

НА СЕЛЬСКОМ БОЛЬШАКЕ

Евг. Ларин

Защитительный реферат -
второй классикой школы №5 -
в помощь о встрече
на празднике книги
от автора

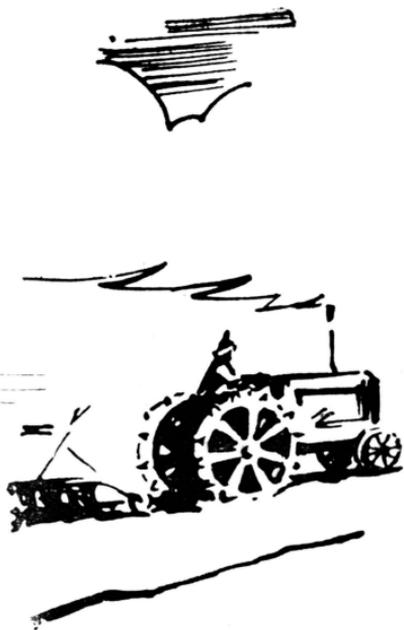
В.В. Лоджа
6.11.74г

УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПРИВОЛЖСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
1968

НА СЕЛЬСКОМ БОЛЬШАКЕ

Евг. Ларин

Николай Уткин. Память об этом человеке бережно хранится в сердцах мелекесцев. Воспитанник Ленинского комсомола, первый тракторист, он вел большую работу по организации колхозов. За это ненавидели его кулаки. За это убили они молодого патриота.

О нем и рассказывает эта документальная повесть.

П

алящий полдень в совхозе.

Все окна брызжут лучами. Звонит музыка.
Пылают флаги.

Какое сегодня число?

Почему все ходят, как именинники?

Календарь не горит красной цифрой. Календарь показывает 13-е июля. Ничего особенного. Год, конечно, золотой — юбилейный. А вот день — самый обыкновенный, будний.

Почему же спуют журналисты, щелкают «лейки», скрипят «вечные» перья?..

В совхозе праздник.

В совхозе торжество. Совхоз имени Крупской награжден. Сегодня ему вручается орден Ленина.

* * *

— Интересное совпадение, — говорит мне Алексей Иванович. — Нынче совхоз ликует, а вот 36 лет назад, в этот самый день в совхозе был траур. Кулаки убили тракториста Николая Уткина, и совхоз провожал его в последний путь..:

Алексей Иванович Копосов — мой старый знакомый. Учитель. Краевед. Старожил совхоза. В пухлых папках краеведа — вся биография совхоза, его история. Каждая встреча, каждый разговор с Копосовым для меня — целое событие.

— А вот и улица Уткина, — показывает Алексей Иванович. — Самая первая улица совхоза. Здесь Уткин жил в общежитии...

Мы сидим в квартире Алексея Ивановича. Окна распахнуты настежь и слышно, как в сарае неистово кудахчет курица, а рядом, под самым окошком, заливаются петух.

Алексей Иванович разложил передо мной письма, снимки, газеты, документы — почти весь свой домашний архив — и повел за собой в тридцать первый год, в раскаленное, бурное и суровое время...

1

«Красный шквал» — прежнее название совхоза. Потом совхоз какое-то время назывался «Ульяновским».

Но все равно первое название не умирало. Нет-нет да и величали рабочие свой совхоз по-старому.

-- Где работаешь?

— На «Шквале».

— А-а. Хорошее дело. Нынче все туда едут. Как на Магнитку...

И в самом деле. Создание в заволжской степи нового гигантского совхоза всколыхнуло людей. По призыву партии они хлынули сюда из Пензы, Самары, Ульяновска и Мелекесса.

Николай тоже был захвачен этим потоком. Комсомольская ячейка Малой Кандалы направила его, как лучшего активиста, на первые курсы трактористов. Че-

тыре месяца учебы — и вот он, вчерашний пастух, батрак, стал трактористом совхоза, членом большой рабочей семьи.

Кругом степь, овраги и только с востока и юга окаймлялся поселок широкой лесной полосой.

А вокруг бушевала весна, заливались жаворонки, звенели пилы и грохала молотом кузница. И все это говорило молодым трактористам, что жизнь совхоза только начинается и проклевывает глазок, как первая весенняя почка.

2

— Можно?

— Да, да.

— Мне бы товарища Чибрикова.

Навстречу Николаю поднялся плотный, с небольшими усиками человек. В косоворотке, кожаной чепке. Чем-то напоминал он питерского рабочего.

— Чибриков в больнице. За него сейчас я. Будем знакомы — директор совхоза Григорьев.

— Николай Уткин.

— Тезка, значит.

Николай кивнул и положил на стол свою учетную карточку.

Григорьев взял со стола очки, не надевая, приложил их к глазам и забегал по строчкам.

Учетная карточка члена ВКП(б)

Фамилия, и., о. — **Уткин Николай Яковлевич.**

Профессия до вступления в ВКП(б) — **батрак-пастух.**

Число лет работы по этой профессии — **13 лет.**

Образование — **сельская школа.**

Политическое образование — политкружок.

Время вступления в кандидаты — 7 февраля 1930 г.

На какой стаж принят — на 6 месяцев.

Какой орг. принят — Мелекесским РК ВКП(б).

Принадлежность к ВЛКСМ — с 1925 года.

Отметки о продвижении

Декабрь 1930 г. Отослан на курсы трактористов в Мелекесс...

— Все хорошо, дорогой Коля, а вот стаж-то у тебя с бородой.

— С бородкой только, — улыбнулся Николай. — Я уже переведен в члены.

— А почему отметки нет?

— Не знаю. Наверно, потому, что билета еще не получил.

Григорьев взял карточку и в графе о передвижении сделал запись: «Совхоз имени Крупской. Ячейка 1-го участка. 6 апреля 1931 г.».

— Общественную работу выполнял? — глянул Григорьев из-под густых пучкообразных бровей.

— Да уж на это дело мне везет. Секретарем ячейки был.

— Комсомольской?

— Да. В селе Малая Кандаля.

— Хорошо. Значит, опыт есть. И чем занималась ваша ячейка?

— Известно чем. Мы кулаков громили, кулаки, как водится, — нас.

— Ну, кулаков и здесь хватит.

— В совхозе?! — удивился Николай.

— Не удивляйся. — Поднялся из-за стола директор, — получена директива. Из крайкома. К началу убо-

рочной превратить наш район в район сплошной коллективизации. Чуешь? Так что работы хватит. Кресгья не с этим одни не справятся и опять потребуется наша рука. Рабочая. Завтра партсобрание. Будем раскреплять коммунистов...

3

Николай вернулся в общежитие и достал из-под подушки толстую, столістовую тетрадку. С этой заветной тетрадью из серой бумаги он не расставался. Почти наполовину была она исписана, и ему доставляло большое удовольствие перечитывать свои записи. Тут были выписаны интересные места из книг, стихи, крылатые выражения. А с тех пор, как его приняли в партию, он стал записывать свои мысли и раздумья.

Случилось это в середине марта, еще на тракторных курсах. Пришел он с бюро райкома радостный, взволнованный. Долго перелистывал свою тетрадку, а потом вынул ручку и написал:

15 марта 1931 г.

Нынче у меня праздник. Я переведен из кандидатов в члены ВКП(б). Сделаю все, чтобы ничем не запятнать этого звания.

Вот и сейчас Николай приготовил карандаш (чернилами еще не обзавелся) и посмотрел из полутемного окна общежития.

8 апреля

Центральная усадьба совхоза напоминает мне улей. Кругом гул. Кругом стройка. А народ сюда все едет и едет. Нынче нашего полку прибыло. Девчата приехали.

Веселые, бойкие. Спрашиваю, какая, мол, у вас специальность? Смеются: «На все руки от скуки». Что ж, руки совхозу нужны. Да и холостяки наши теперь оживятся.

9 апреля

Нынче шел в мастерскую, повстречал девчат и прямо вздрогнул! Одна из них так похожа на мою Груню, что я долго не мог придти в себя. Думал, что она приехала. Надо послать ей письмо. Как там жива-здорова моя дочка. Владленка. Поди, уж и зубов полон рот. А не пригласить ли сюда Пашу? Шестнадцать лет, не маленькая. Хватит, сеструха, в няньках околачиваться.

11 апреля

Прочитал книжку «Ташкент—город хлебный». Вот это штука! Лучше и правдивей книжки я не читал. Да ведь это же про меня написано. Про меня! Сколько раз и я таким же кусочником был. И по помойкам шлындал и попрошайничал. И шмутки материны, как Мишка Додонов, на кусок менял. И машинистов умолял. И красноармейцев упрашивал, когда в детский дом ехали...

Николай отодвинул тетрадь и перевел взгляд на книгу: «А. Неверов». Перелистнул страницу и стал читать. Смотрит на строчки и слегка изменяет их по-своему.

«Дед умер, бабка умерла, потом — отец. Остался Колька только с матерью да с маленькой сестренкой... Мать с голодухи прихварывает. Пойдет за водой на реку, насилу вернется. Нынче плачет, завтра плачет, а голод нисколько не жалеет. То мужика на кладбище несут, то сразу двоих»...

— Как ведь, елки зеленые, здорово! — вслух сказал Николай. — Какую страничку ни открой — и все себя видишь...

* * *

— Ну что вы теперь делать будете? — обступили сельчане мальчика и девочку.

Плачет четырехлетняя Пашенька. Плачет и повторяет: «А почему мамку зарыли?».

Насупился Колька. Вот-вот расплачется, но крепится. Теперь он старший. Ему нельзя плакать. Сестренка глупая, к тому же — девчонка. А он как-никак, — мужик. Плакать ему не полагается.

— Работать буду, — твердо ответил Колька, — пасти пойду...

Три года Колька батрачил у кулака Кореева. Пас его лошадей, помогал по хозяйству и благодарил бога, что хозяин кормит его и сестренку. Но все равно они были ни сыты, ни голодны. Работы у Кореева — пруд пруди и тут, хоть в доску расшибись — все попреки да укоры...

— И чего ты, Колька, маешься у этого живоглота, — сказал как-то красноармеец Федор Иванов. — Иди-ка ты в Симбирск, в приют. И сестренку с собой заberi. А то так всю жизнь и будешь кнутом махать.

Сперва Колька думал, куда с сестренкой в Симбирск. Денег нет, а пешком она не вытерпит. Но выгонит Колька лошадей, а Симбирск из головы не выходит. Дядя Федор говорил, что там и кормят, и в школе учат. Вот хорошо-то!...

Шел 20-й год. А Кольке — двенадцатый.

Не вытерпел Колька. Уговорил Пашеньку и отправились они в Симбирск пешком. И жарко. И пить хочется. И идти тяжело. Раскисла сестренка, но помалкива-

ет. Шли, шли, да так и добрались. Только напрасно шли. Всего дня за два до их прихода детский дом на Украину выехал.

Повел Колька свою сестренку на станцию. Выпросил у кого-то печеной картошки, накормил Пашеньку и побежал к паровозу.

— Дяденька, машинист! Увези нас. Мы пришли сюда в приют, а они уехали...

— Куда уехали-то?

— На Украину, говорят. В Нежину.

— Садитесь, до Москвы довезу, а там на другой поезд пересядете.

— А зачем на другой. Мы и на этом согласны, — обрадовалась Пашенька.

— Этот, дочка, только до Москвы, а там другая дорога пойдет. И поезд другой...

Так, пересаживаясь с поезда на поезд, Колька все-таки разыскал Симбирский детдом.

Чего только не испытал он за время дороги — и голод, и обиды, и дрова носил, и в пляс пускался, чтобы кусок заработать. Даже песни пел, хотя и голос имел неважный. Но главное, что увидел Колька в пути, — это люди. Много на свете людей, только самые лучшие из них — большевики. Это они в трудную минуту заступались за него, приходили на помощь, протягивали руку, давали совет и кусок хлеба.

«Большевики — большие люди. Добрые, сильные».

Такой вывод сделал Колька и решил: как только подрастет, обязательно в большевики запишется.

4

Николай намылил подбородок и заглянул в крохотное зеркальце.

— Эх, ты, Мишка Додонов, — сделал он гримасу и, улыбнувшись, начал бриться.

— Уткин! Миколай Иваныч, айда, — раздался на пороге голос посыльного Нургаяна. Он подошел ближе и лукаво засмеялся. — О, форсить хочешь. Девка приехал, красивый надо быть. Вечерка пойдешь, плясать будешь.

— А как же, как же, — шутил Николай в ответ, — какие наши года.

— Давай поддержку зеркал, — предложил Нургаян. — Зачем, как дуга сидишь? Спина гнешь — старик будешь...

В совхозе Нургаян появился недавно и с первых же дней полюбился рабочим и служащим конторы. Был он уважителен и услужлив, делая все, что бы его ни попросили: ходил за водой, разносил записки и сводки, приглашал к директору.

Нургаяна любили все, но особенно любил его директор совхоза Николай Иванович Григорьев. Нередко он вызывал мальчика в кабинет и совал в руки привезенные из города гостинцы.

— Лиса прислала, ешь, — шутил директор. — Отдай, говорит, тому мальчишке, который чуть не замерз, и скажи, чтобы он не ходил по миру с котомкой, а за дело брался.

Нургаян смущенно жевал пряники и благодарным взглядом смотрел на своего спасителя...

Было это в начале февраля. Николай Иванович на шустрой лошадке возвращался из Мелекесса в совхоз. Погода с самого утра давала знать о себе. Дул резкий северный ветер, мела поземка, а мороз был градусов под тридцать.

Километрах в десяти от центральной усадьбы совхоза лошадь вдруг резко приостановилась и пошла шагом.

— Что такое? — насторожился Николай Иванович, — уж не волки ли? — Он откинул воротник тулупа и пристально поглядел вперед. У края дороги виднелось что-то темное, похожее на человека. Николай Иванович остановил лошадь, выпрыгнул из саней и наклонился над подростком, которого уже заносило снегом. Это был мальчуган лет четырнадцати. Одетый в лохмотья и драные лапти, он до того продрог и заоченел, что не мог произнести ни одного слова. Было ясно: мальчишка выбился из сил и замерзал.

Николай Иванович посадил его на колени, укрыл тулупом, присвистнул и стеганул вожжей лошадь.

Мало-мальки пришел в себя мальчик только в конторе совхоза. Его отогрели, накормили, а ребята из общежития принесли кто штаны, кто рубашку.

Это и был Нургаян.

Родился и рос он в бедной батрацкой семье. Мать и отец всю жизнь работали на богачей, за кусок продавая силы и здоровье. Убогий развалившийся домишко да унылый пустынный двор — вот и все их богатство. Усадьбу — и ту арендовал приезжий русский лавочник. Незавидное житье. Прямо нищенское.

Отца Нургаян не помнил, но, по словам матери, был он добрым. Она рассказывала, что отец мечтал отдать его в школу, справиться одежду и обувь, но не сумел сделать ни того, ни другого. На мельнице купца Масленникова он надорвался, долго болел и умер, как говорят, не дожив века.

А мать скоро вышла замуж. В их избе появился чужой человек с крутым и тяжелым характером.

— Слушайся его, сынок, зови отцом, и он отдаст тебя в школу, — говорила мать, — я уже тебе новые лапти купила.

Но в школе однажды кто-то украл у Нургаяна лапти. Пришлось босиком по снегу возвратиться домой и рассказать о своем горе.

Суровый отчим наградил мальчугана тумачами, затем усадил в сани и увез его километров за двадцать.

— Добывай себе кусок сам, а я тебе не кормилец, — только и сказал он, высаживая мальчика из саней.

Голодный и продрогший добрался он до какого-то села и пошел по домам, выпрашивая милостыню. Но в первом же дворе на него напала собака.

— Пшел! Нельзя, нельзя! — испуганно кричал Нургаян на собаку. Но та, чувствуя, что ее боятся, заливалась пуще прежнего.

— Нельзя кусать. Ты хороший собачка. Кусать не надо, — всхлипывал Нургаян, уговаривая дворнягу, и страшно обрадовался, услышав детские голоса.

Ватага ребятишек отогнала собаку и с любопытством окружила маленького незнакомца. В руках одного из мальчуганов большой кусок хлеба. Он аппетитно жует и спрашивает Нургаяна:

— Эй, пацан, ты откольный?

Нургаян не понял вопроса и промолчал.

— Тебя спрашивают, аль глухой?

Нургаян промолчал снова.

— Он, Васька, наверно, немой, — загалдели ребятишки.

Мальчик с куском хлеба подошел ближе.

— Язык-то есть? — показал он на свой язык, — как зовут тебя, знаешь?

В черных глазах Нургаяна засветилась радость.

— Знаю, знаю, Я Нургаян. Моя язык кусок просит. Дай, — протянул он руку.

— Ишь ты какой ловкий. Говорить не хочешь, а кусок — дай? Откольный ты?

— Откольный, не понимаем.
— Ну живешь где? В какой деревне? ,
— А-а, деревня. Деревня знаем. Деревня Мордоос...
— Какой Мордоос? Мордово-Озеро что ли?
— Да, да, мордовый.
— Значит, мордвин?
— Нет, нет. Я татар. Татар малай. Миня кусочек маненько ашать надо.

Мальчик отломил половину куска.

— Так бы и сказал, что есть хочешь.
— погоди, Васька, не давай, — раздались голоса.
— Врет он.
— Конечно, врет. Не татарин, а цыган.
— Точно. Самый настоящий цыганенок.
— Скажи ему, пусть спляшет сперва. Цыганы знаешь, как плясать умеют!

Васька спрятал кусок за спину и безобидно предложил:

— А ну, малай, спляши, тогда кусок дам.
— Пляска не пойдет. Ботинка мерзлый, — указал Нургаян на лаптишки. — И нога замерз, плохо плясать умеет.

— Давай как сумеешь.

Нургаян решительно надвинул на лоб малахай и топнул ногой: Э-эй, ая-яй! Э-эй, ая-яй!

Он пускается в пляс, неумело топя ногами. На его глазах выступают слезы, а он приплясывает и поет:

Алтын балда гында бар,
Кимеш балда гында бар.
Золотой да кольцо есть,
Серебрено тоже есть...

— Ай да цыган!
— Ай да малай!

— Ну хватит, хватит. Получай свою порцию.

Получив хлеб, Нургаян жадно впился в него зубами и жует, размазывая кулаком слезы...

Так сельский беспризорник Нургаян вступил в самостоятельную жизнь, добывая свой трудный и горький хлеб.

На пути в другое село он устал, сильно продрог и свалился около дороги. В это время директор совхоза и подобрал его...

В совхозе Нургаяна окружили заботой и вниманием. Ему выдали постель и поселили вместе с механизаторами. Николай Иванович поговорил с Леной-поваром, чтобы она кормила Нургаяна наравне со всеми.

С тех пор и стал Нургаян первым сыном нового совхоза.

5

Николай Иванович был чем-то расстроен, ходил взад-вперед по кабинету, сдвинув пучки бровей.

— Вы меня звали, Николай Иванович? — тихо вошел в кабинет Уткин.

— Садись, Коля, потолкуем. Поможешь хоть мне перечитать вот эти чертовы циркуляры.

Директор подал Николаю пачку отпечатанных на машинке листов и зажал голову руками.

— Голова трещит! Нет, прямо разламывается от всех этих «срочно», «немедленно», от всех этих окриков и директивных угроз. Да они там думают в конце концов, посылая эти бумажки? А? Ведь я всего-навсего — директор совхоза. У меня сев на носу, а с меня и коллективизацию спрашивают и за скотозаготовки грозят...

Перебирая пачку бумаг, Николай внимательно слушал директора. Никогда еще он не видел его в таком

состоянии и посочувствовал: «Ох, видно, нелегкое дело быть руководителем».

— Ну все, — сел директор рядом с Николаем. — Ты извини, Коля, что я тут страсти-мордасти развел. Давай о деле. Я пригласил тебя вот зачем. Прошлый раз мы тебя за Вишенками закрепили, а вот я подумал, подумал и решил тебе другое село дать. Потруднее. Село это Мордово-Озеро. Тяжелое село, татарское...

— Николай Иванович, да как я буду их агитировать? Я, кроме «якши», ни одного татарского слова не знаю.

— Ничего, ничего, Коля. Справишься. Парень ты не без царя в голове. Подберешь ребят — и действуй. Ядро колхоза там уже есть, правда, мизерное и прокулацкое... Кстати, тут из райкома бумаженция по этому поводу.

Директор вынул из пачки лист желтой папиросной бумаги.

— Вот, ознакомься.

Николай прочитал:

В связи с антисоветскими настроениями со стороны кулацкой части села Мордово-Озеро, выразившимися в нападении на уполномоченного и срыве пленума сельсовета, срочно организовать судебное следствие и привлечь к ответственности виновных. Колхоз в с. Мордово-Озеро сохранить. Немедленно произвести очистку от кулацких элементов... Подобрать для посылки в Мордово-Озеро крепких коммунистов-агитаторов.

Секретариат Мелекесского РКВКП(б).

— Вы меня и выбрали, как крепкого? — засмеялся Николай. — Нашли крепыша.

Николай Иванович тоже рассмеялся.

— Да ведь и я, Коля, не Илья Муромец. Сам не так давно у станка стоял.

— Нет, я все-таки не понимаю: на каком языке я с ними разговаривать буду?

— Сейчас, Коля, и с русскими-то крестьянами не знаешь, на каком языке говорить. Тоже нелегко. Но давай условимся так: есть у нас с тобой один язык — партийный. На нем и будем говорить с народом.

В дверь просунулась и тут же исчезла голова Нургаяна. Видимо, кто-то пришел к директору, и Нургаян решил убедиться, освобожден ли Николай Иванович.

— Слушай, Коля! — воскликнул директор. — Идея! Я нашел тебе помощника.

— Кого?

— Нургаяна. Нашего посыльного. По-русски он неплохо балакает. Так что при необходимости за переводчика сойдет. Да и к делу парня приучать надо. Плугаря тебе еще не выделили?

— Пока нет.

— Тогда решено. Нургаян!

В кабинет Нургаян влетел пулей и, как всегда, остановился у двери в ожидании нового поручения.

— Да ты проходи, проходи, Нургаян. Чего встал у порога, как нищий?

Нургаян сел на пододвинутый директором стул и растерянно смотрел по сторонам.

— Ну, как, малай, не хватит быть мальчишкой на побегушках? — заговорил Николай Иванович. — Думаю, что хватит. Парень ты у нас толковый, старательный. Так что пора тебе попробовать на зуб и покрепче дело.

Нургаян улыбался, ничего еще не понимая.

— Как ты думаешь, Уткин, — спросил директор, — по зубам ему будет работа на тракторе?

— Да что зря толковать, Николай Иванович. Зубы у парня, что надо, — и, взглянув на мальчишку, спросил: — Хочешь ко мне на трактор?

— Вы шутите, — не поверил Нургаян, — я бы бегом пошел, да какой от меня польза?

— Видишь, Уткин, а ты плакал — плугаря нет. Вот он перед тобой, гляди и любуйся. Его-то к тебе мы и прикрепим.

Николай Иванович смерил Нургаяна взглядом, как бы убеждаясь в правильности своего выбора, и подытожил:

— А польза от тебя, брат, вся впереди. Поработаешь с Уткиным, приглядишься, пообвыкнешь, а осенью — на курсы. Сам трактористом станешь. Идет?

— Очень даже идет, — сиял Нургаян от радости и прижал обе ладони к сердцу, — сердце миня поет, сердце бегом ходит! Надо держать — улетит с радости.

Уткин подошел к Нургаяну и протянул руку.

— Ну, елки зеленые, коли нам на пару работать, давай познакомимся, что ли. Меня зовут Николаем.

— А я Нургаян.

— Звучное имя. А по-русски как?

— Не знаю.

— Ну, раз на «Н», значит, Николай.

— Наверно, Николай, — согласился Нургаян.

— Эх, елки зеленые! Тогда мы с тобой тезки!

— Тезки? — не понял Нургаян, — кто такой тезки?

— Ты Николай и я Николай. Директор наш тоже Николай. Значит, мы все трое — тезки. Понял?

— Понял, понял. Раз три Николай, значит, тезки.

Все засмеялись. Уткин попрощался с директором и направился к двери.

— Ну, тезка, пошли.

Вышли они из кабинета вместе и с этих пор никогда не разлучались.

Совхоз заканчивал подготовку к весенним работам. На 15 апреля были намечены пробные выезды в поле, и Нургаян с Николаем не вылазили из мастерской. Они снова и снова просматривали сеялку и бороны, проверяли мотор и делали обкатку трактора.

Иногда к ним в мастерскую заходил инженер-американец Ричард Никсон. Тракторы и комбайны были закуплены в Америке, а для освоения этой техники в нашу страну были приглашены и заморские специалисты.

Поблескивая золотым зубом, Ричард сухо здоровался и просил завести мотор. После этого он давал несколько советов на чистейшем русском языке и всякий раз любил пофилософствовать.

— Машина — это чудо. Это — гений Америки! — поднимал он кверху указательный палец. — Машина любит ласку и нежность, как женщина. Но относиться к ней надо вдвое нежнее, чем к женщине...

Странный был этот американец. Смеяться он не любил. Даже улыбался редко. Держался со всеми официально, по-деловому, словно позировал художнику или фотографу. А если с кем вступал в разговор, то относился к нему с подчеркнутым чувством превосходства. За это его многие недолюбливали и называли то «сэр», то «господин», то просто «мириканец».

Перестук молотков в мастерской совхоза раздавался на все лады. Шум. Звон. Скрежет. Лязг.

— Нынче с утра что-то у нас мириканца не было, — сказал Федор Чехлов Николаю. — Уж не проспал ли, кой грех?

— Как раз, проспит! — ответил Николай то ли с осуждением, то ли с уважением к его точности. — У него, елки зеленые, часы на руке тикают.

Нургаян молча нарезал у болта резьбу и показал его Николаю:

— А теперь как?

— Теперь замечательно. Молодец, тезка!

Нургаян сиял от счастья.

— Коля, ты меня работать учишь?

— Ну учу. А что?

— А когда трактор рулить учишь? Когда круглый вожжи в руки дашь? — показал Нургаян на руль.

— Скоро, тезка, скоро. Не все сразу. Вот через недельку пахать и сеять начнем, тогда и потренируешься. А потом господина американца пригласим. Пусть полюбуется, как мы их «фордзонами» руководим.

— Коля, а почему трактор «фордзон»?

— Так в Америке называется фирма, которая выпускает их.

— А Америка, это что?

— Страна такая. Богатая, стерва, страх! У нас, например, богачей в шею турнули, а там они у власти. А Форд — это капиталист ихний, самый первый богач.

— А инженер Ричард? Тоже богач?

— До Форда ему, конечно, далеко, но на жизнь не обижается. Ты видел этого господина?

— Тыща раз.

— А в нашей столовой его встречал?

— Не встречал.

— И не встретишь. На Лену-повара, как на красавицу, он еще поглядит, а на нашу похлебку с ливером и глядеть не будет...

Визгнула петлями дверь, и в мастерскую, легкий на помине, вошел Ричард.

— Добрый день!

— Здравствуйте, господин Никсон!

— Машина к работе готова? — обратился он к Николаю.

— Хоть завтра в поле.

Ричард осмотрел трактор Николая, завел, прислушался к шуму мотора, затем заглушил и улыбнулся, видимо, остался доволен.

— Прекрасно! Машина — это разум! Я очень рад, что наша страна дала машины, чтобы поднять пашню дикой и грязной России. Если бы не Америка...

— Погодите, господин Никсон, — перебил его Николай. — О машине вы хорошо сказали. Машина, — действительно, разум. Но что Америка нам их дала — это, сэр, просто неразумно. Может, продала все-таки?

Американец несколько смутился.

— Ну, это уж детали...

— Да, но они денег стоят. Россия, она хоть и грязная, но платит-то вам чистым золотом.

Подошел Чехлов, вытирая тряпичей руки.

— Господин Ричард, мой «катерпиллер» что-то капризничает. Запоет мотор, а я чувствую, песня маленько вроде не такая.

— Это тот трактор, что около мастерской? — указал Ричард на окно.

— Да.

— Я уже смотрел его и делаю тебе замечание — машина грязная. Даже на сиденье боязно сесть. Нельзя обижать машину. Машина терпит до времени. Человека обидели — он возражает. Машину обидели — она молчит. Молчит и вдруг отказывается от работы. Бастует, как рабочий Америки.

Записав фамилию Чехлова в блокнотик, Ричард показал знаком на дверь и вышел вместе с Чехловым.

Проводив Ричарда взглядом, Николай кивнул в его сторону и негромко сказал Нургаяну:

— Видал, тетка, как этот сэр на нашего брата смотрит? Ух, елки зеленые! Ходит, как гусь какой! И вечно у него кривая усмешка. Так всем своим видом и хочет сказать: тоже, мол, мне, неучи. Вам ли машинами управлять, черти драные?

В окно было видно, как Ричард, жестикулируя, делает Федору какое-то разъяснение. А Николай закрутил гайку и сердито ударил ключом по колесу сеялки.

— Коля, а почему Ричард — американ, а в совхозе работает? Его кто заставил?

— Не заставил. Трактора-то мы в Америке закупили. Ну и инженеров на помощь пригласили. Вдруг да моторы забарахлят. — Николай опять резко ударил ключом по колесу. — Но погоди, тетка, придет время, и мы свои тракторы за океан повезем. Обязательно повезем! И тогда господа вроде этого Ричарда нам не понадобятся. Он и сейчас-то только советует, а случись что, так этот господин теряется. Говорит, нужна деталь новая.

Нургаян хихикнул.

— Новая! А где взять? Совхозный лавка не продает, Америка пешком не ходишь.

Николай подошел к трактору и резко поднял капот.

— Вот посмотри на эту головку. Она лопнула еще по дороге в совхоз. И что ты думаешь? Американец сказал, что трактор теперь на **прикол**. А механик Жуков с кузнецом посидели два вечера и новую выточили. Ричард только руками развел.

— У самого, наверно, мала-мала не хватает, — покрутил Нургаян около виска пальцем.

— Хватает, тетка. Мужик он не глупый. Только разве понять ему, что мы делаем жизнь на пустыре, на голлом месте?

Николай сплюнул сквозь зубы, задумался, вздохнул и горячо продолжал.

— И все-таки, елки зеленые, мы выйдем в люди. Уж это, как пить дать. До всего дойдем сами. До всего! Не такие уж мы бестолочи и недотепы. Это цари да помещики триста лет нас дурили... Потому теперь тракторы и покупаем за морем, да таких вот господ завозим. — кивнул Николай в сторону Ричарда.

Нургаян засмеялся.

— И, можа, сопля им утрем.

— И утрем! — уверенно сказал Николай. — Потому скорее и жизнь хочется наладить. Деревню на большую дорогу вывести. А мужик по темноте своей упирается, как бык мирской. Его, елки зеленые, вперед ведут, а он, дикарь, назад пятится. Да еще нередко кулакам подпевает.

7

Для Нургаяна этот вопрос возник самым неожиданным образом.

Николай с утра вместе с механиком Жуковым уехал на третье отделение. Там директор совхоза обнаружил «раскулаченный» локомобиль и попросил их прикинуть, нельзя ли его поставить на ноги.

Нургаян остался в мастерской один. Вчера с Николаем они отремонтировали два плуга, а третий Нургаян должен был разобрать сегодня самостоятельно. Он снял лемеха, отнес их для отбивки в кузницу, затем подобрал недостающие болты и гайки, смазал автолом оси и сам вырубил две шайбы.

Перед обедом зашел в мастерскую тракторист Федор Чехлов.

— Нургаян! Иди в контору.

— Зачем?

Кассирша велела.

— Зачем?

— Зачем, зачём. Я-то откуда знаю. Наверно, зарплату получать. Я получил.

— Зарплату? — вытаращил глаза Нургаян.

Нургаян тщательно вымыл мазутные руки. Это ведь не шутка — в контору идет получать деньги.

Кассирша Надя, тихая, застенчивая девушка, хорошо знала Нургаяна, и, едва вошел он в контору, она мигом отчитала деньги, пододвинула к нему ведомость и подала ручку.

— Распишись.

— Зачем? — удивился Нургаян.

— Распишись, что ты деньги получил.

Нургаяна словно ударили по лицу. Он вспыхнул до ушей, осторожно положил ручку на стол и отошел к двери.

— Я не могу расписать, — чуть не плача, сказал он и выбежал из конторы. Нургаян отошел за угол, сел на бревно и заплакал. Заплакал от обиды на свое детство и невольно вспомнил мать, отчима, школу и даже злополучные лапти...

— Эй, тезка! — услышал он голос Николая.

Нургаян торопливо вытер глаза и побежал ему навстречу.

— Ты что это не в мастерской?

— Контора был...

— погоди, погоди. Да ты не то плакал? А?

— Нет.

— Ну, не плакал так, выходит, глаза луком натирал? Так, что ли?

— Контора был, — хлопал глазами Нургаян, — зарплата выдают...

— Вот, елки зеленые, тогда радоваться надо, а не плакать.

— Надя говорил, расписать надо...

— А-а! Вот оно что... Ну тогда понятно. Пойдем, тезка, в контору и все распишем за милую душу.

Когда вышли от кассира, Нургаян долго держал деньги в руках и рассматривал трещины и рубли. Это были не только первые заработанные деньги, но и первые деньги вообще, какие сжимал он в своей ладони.

— Ну, вот что, молодой человек, — официально сказал Николай, — с нынешнего дня ты настоящий рабочий. Ты начал жить самостоятельно, а руки твои могут зарабатывать. Но одних только рук для рабочего мало. Очень мало. Нужна еще голова. И ты в этом сегодня сам убедился. Так что давай запасайся терпением и упорством. Я буду с тобой заниматься. Много не обещаю, но читать и писать научишься.

— Научусь? Без школа? — обрадовался Нургаян, — вот это да!

8

Решение Николая — научить Нургаяна грамоте — горячо поддержал и директор совхоза. На другой день привез он из города букварь и пригласил в кабинет Нургаяна.

— Ты знаешь, Нургаян, чего я тебе привез? Не угадаешь.

Николай Иванович открыл портфель, достал кулек с гостинцами, а потом вытащил книжку.

— На, бери гостинец. Это, Нургаян, волшебная книга, золотой ключик ко всем книжкам. Изучишь ее на зубок — и станешь волшебником сам. Тогда перед тобой распахнут страницы любые книги.

— И эти? — указал Нургаян на томики Ленина.

— И до них дойдешь. Без них, Нургаян, строить новую жизнь нельзя. Просто немыслимо.

— Николай Иванович, вот такой спасибо.

Прижав букварь к груди, Нургаян бросился к Николаю Ивановичу, крепко обнял его и заплакал.

В общежитие он вошел именинником.

— Коля, — крикнул он, — у меня золотой книжка есть.

Николай полистал учебник и усадил Нургаяна рядом.

— Что ж, давай с ходу начнем первый урок...

Все свободное время Нургаян отдавал учебе. После уроков Николаю он усаживался с букварем и радовался каждому прочитанному слову. Раньше на буквы он не обращал внимания, а сейчас, когда они шли с Николаем на работу, Нургаяну казалось, что совхозные постройки ожили, заговорили, и он не просто видел их, а слышал. Зашли в кабинет директора, а на столе толстые книжки с золотыми буквами: «Ле-нин, Ле-нин». Даже в мастерской на него уставилась табличка и сказала прямо в ухо: «Не курить».

— А они живые, — сказал он как-то Николаю, указав на вывески. — Я слышу их как они калякают. Одна тихонько калякает, другая — кричит: «Не курить». Слышишь, как шибко кричит, даже в ушах звенит. А тут и надо кричать. Дурак придет, цыгарка крутит, а табличка кричит: «Не ку-ри! Брось папироса. Пожар будет». Хорошо кричит, сторож не надо. Правильно кричит, все понятно.

Нургаян счастливо улыбался.

9

Наконец-то выехали в поле. Долго стояла гнилая погода, и совхоз начал весенний сев с опозданием на целую неделю. Зато сейчас поля ожили.

Николай с Нургаяном работали с таким увлечением, что не чувствовали никакой усталости. Наверно, потому, что весна была для каждого из них самой счастливой весной жизни...

Возвращаясь со смены, Уткин зашел к директору. Николай Иванович громко кричал в телефонную трубку, требовал гвоздей, кирпича, леса...

— Вы понимаете, у меня баня без потолка и крыши. Где я людей буду мыть? Где? Да мне за это скоро самому шею намоют...

Увидя Николая, директор пригласил его сесть и резко бросил телефонную трубку.

— Вот и поговори с ними, — кивнул он на телефон, — один другого чище. И никто понимать не хочет. Сводки—давай, темпы — давай. Давай, давай и еще раз давай. А сами ни черта давать не хотят. У них, видите ли, разнарядка да фонды...

Николай понимал, что директор распаляется по адресу районного начальства, которое (он и сам заметил) зачастую дергает людей по различным пустякам, создавая излишнюю суету и нервозность.

— Иного «руководы» волоком сюда не вытянешь. Только и знает, что в трубку кричит да посланья на машинке размножает. Вот полюбуйся. Опять папка распухла.

Директор резко пододвинул папку к Николаю и улыбнулся.

— Библия! Тут и от Луки, и от Моисея. Ото всех пророков. А, впрочем, это я так. Для красного словца. В село еще не ходил?

— Пока нет. Завтра, думаю.

— Вот и познакомься со всеми директивами. Намотай на ус и действуй. Тут, конечно, и ценные указания есть. А ребят подобрал?

- Подобрал. Четверых.
- Ну-ка, кто персонально?

Николай вытащил из бумажника замасленный листок и зачитал фамилии активистов своей агитбригады.

— Погоди, погоди. Куразеев, Крестин, Касимов, Грицков. Трое из них трактористы, а Касимов твой подменщик. — Николай Иванович вычеркнул фамилию Касимова и наверху подписал: Большебородов. — Вот этот подойдет.

— Кто такой?

— Большебородов, милиционер.

— Вы что! Да народ как увидит его кобуру, так сразу спрячется.

— Ничего, ничего. Для храбрости тоже неплохо. К тому же он и чувашский и татарский языки знает... Ну, а как наш Нургаян?

— О, Нургаян — золото! От трактора отходить не хочет. Готов две смены работать. Уже научился рулить и сегодня целый круг самостоятельно объехал.

— Вот и хорошо. Давай приучай парня к делу. Толк получится. К маю надо ему хотя бы одежонку получше справить...

В общежитии Николай раскрыл папку, что принес от директора, и зашуршал разноцветными бумажками. Папка была толстой и на первом подшитом документе стояла дата: 25 декабря 1929 г. Это была выписка из постановления бюро Мелекесского РКВКП(б):

«...Многие уполномоченные не проявили достаточной поддержки при обострении классовой борьбы и начали производить массовые аресты, причем подавляющее большинство арестованных — середняки и бедняки попали в «подкулачники». Таким образом искривлена партийная линия, данная III Пленумом, по вопросам работы в деревне.

...Категорически запретить уполномоченным производить аресты, а все материалы направить в соответствующие органы, которые могут производить эти аресты. ...Предупредить ячейки и уполномоченных о необходимости большой тактичности при коллективизации, не допуская административных методов при вовлечении в колхоз. При организации колхозов проводить длительную разъяснительную работу среди бедноты, особенно среди женщин».

— Замечательно! — вслух сказал Николай, — это самое необходимое, что мы, агитаторы, должны знать о коллективизации. Надо с этим своих ребят познакомить.

2 марта 1931 г.

В связи с проведением сплошной коллективизации в районе и крепкого нажима на кулака, кулачество перешло к организованному сопротивлению (Аншенково, Бирля, Красный Яр, Елховый Куст, Мордово-Озеро). Это вызвано рядом искривлений и головоуятия на местах, выразившихся:

- а) в окулачивании середняка;
- б) в неумелом применении мер к кулаку.

Так, в Мордово-Озере после того, как кулак отказался освободить дом, уполномоченный Червяков предложил выставить оконные рамы, чтобы «выжить» кулака морозом...

в) изъятии имущества во время скотозаготовок. Это дало возможность кулаку выбросить лозунги: «Колхозники — грабители!», «Бей колхозников!», «Долой грабителей!».

— Да-а. Обстановочка не из легких. Николай сунул папку под подушку и взялся за тетрадь

Несколько дней он не делал никаких записей. Последняя запись была начата еще 15 апреля, но так и осталась незаконченной.

«Николай Иванович мне нравится все больше и больше. Это мужик наш, расейский. Требовательный, но тактичный».

Строгий и в то же время добрый. Партиец с семнадцатого года. Московский рабочий. Краснопреснец. На руководящей работе давно и это...».

Что дальше он хотел сказать, сейчас не помнил. Да сейчас это и не имело значения. Главное-то он все-таки уже сказал.

Николай подточил карандаш и торопливо набросал несколько строк:

30 апреля 1931 г.

«Итак, завтра иду в «татары». Большебородова все-таки не возьму. Не буду пугать милицией. После нападения на уполномоченного (не Червяков ли был это?) милиция, наверно, им глаза намозолила. Нет, мы пойдем с песней и пляской. Покажем им свой русский сабантуй».

10

После разговора с директором Николай прикинул, что в татарском селе с угрозами да нажимом делать нечего.

Как-то вечером, собрав молодежь у конторы, Николай предложил создать молодежную агитбригаду, и это предложение было поддержано всеми. Тут же Николай сделал список певцов, плясунов, гармонистов, нашлись даже фокусники. Словом, были учтены все совхозные таланты.

После нескольких репетиций, бригада успешно выступила перед рабочими с концертом и сразу же в самодеятельность записалось несколько человек... Даже пионерам — и то нашлось занятие.

Вот с этой-то бригадой Николай и решил идти в татарское село. Он уже знал, что когда в селе созывают народ на сходку, то не всегда это удается сделать.

К концу рабочего дня бригада выстроилась около конторы с гармонью, с флагами и плакатами. Все в праздничном наряде, пионеры в красных галстуках, а плясуны и танцоры в национальных костюмах.

Программа была большой, разнообразной, но коронными номерами этой программы были два татарских танца, песня и басня Демьяна Бедного на татарском языке.

Село Мордово-Озеро находилось километрах в десяти от совхоза. Поэтому директор выделил грузовик, кузов которого обтянули красным материалом. И вот с громкой песней тронулись в путь...

Машина остановилась около сельсовета, рядом с которым мечеть воинственно подняла свою кривую монгольскую саблю. Председатель Совета Джебаров удивился, когда из машины выпрыгнули десятка три пионеров и комсомольцев.

— Что такое, товарищи?

— К вам в гости. О колхозе говорить, — ответил Уткин, — помогите собрать народ.

— О, это не очень просто. Недавно приезжал следователь и такой переполох наделал, что никто теперь за порог не выходит.

— Ребята, — крикнул Николай, — в колонну по два становись! Так, хорошо. Давайте с песнями раза два пройдем по селу. Не может быть, чтобы на нас не обратили внимание.

«Смело, товарищи, в ногу» — заиграла гармонь, и тут же все дружно подхватили:

Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Село как-будно вымерло. Гавкали дворняжки, да горланили петухи. Но вот захлопали двери, заскрипели калитки и ко двору стали выходить женщины, старики, дети. Их внимание привлекла и песня, и гармонь, и яркая колонна. А комсомольцы шли в самый конец села и с воодушевлением продолжали петь:

Вышли мы все из народа
Дети семьи трудовой,
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

Народ вывалил на улицу почти изо всех домов. А Николай только этого и дожидался.

— Ребята, на обратном пути давайте пустимся в пляс. Выстроимся полукругом и пойдем во всю ширину улицы.

И вот на первый план вышли Надя и Куразеев — исполнители татарского танца «У колодца». И они произвели настоящий фурор. Захваченные красивым зрелищем люди шли следом.

Молодежь остановилась около сельсовета и, не обращая внимания на собравшихся, продолжала свое выступление...

На лужайке, у сельсовета, уже собралось человек сто. Женщин почти не было. Несколько пожилых крестьянок постояли поодаль, поговорили по-своему что-то и разошлись по домам. А мужчины уселись на траву и с любопытством поглядывали на гостей.

— Слушай, малай, — спросил у Николая красивый, рыжебородый мужчина. Он, видимо, заметил, что Николай здесь за старшего. — Откуда вы такой вяселый?

Николай понял, что настала минута для главного разговора.

— Мы, товарищи, из совхоза и соседнего колхоза.

— А за такой пляска колхоз хлеб дает или деньга платит?

— Ничего не платит. Это мы культурно отдыхаем. Отработали свою смену и веселимся.

Мужики засмеялись.

— Раз в колхозе такой веселый жизнь, зачем тогда в колхоз силком гонют?

Вопрос был явно провокационным, и Николай сдерживал себя, боясь, как бы не сказать неосторожное слово.

— Нет, бабай. Мужик не баран, чтобы его в колхоз кнутом гнали. Колхоз — это прежде всего добровольный союз крестьян. Вот, например, наш совхоз. Мы приехали в него со всех концов. Совхоз нам дал жилье, технику, работу. Никто нас в него не загонял ни кнутом, ни хворостиной.

Николай рассказал, как он, деревенский мальчишка, стал трактористом и теперь работает в крупнейшем зерновом хозяйстве края, как все работы в совхозе производятся коллективно, какое облегчение в труд земледельца принесла техника.

— У нас в совхозе пока несколько десятков тракторов, — говорил Николай, — а земли тысячи гектаров. Ну-ка, посчитайте, сколько надо лошадей, чтобы вспахать эту землю? Табун! Да, да, целый табун. Плюс к тому гору сена да уйму фуража. У нас же вместо табуна — моторы. А они без фуража и сена обходятся...

Среди присутствующих прокатился гул одобрения, а кто-то из задних рядов крикнул: «Пра-авульна!»

— Труд одного земледельца — тяжелый труд. А надо сделать его и легче и производительнее. Да и земле-матушке надоело. Испокон веков ходит за лошадкой пахарь, топчет лаптями землю и не пашет, а ковыряет ее. Сам мучается и землю мучает. Так дальше жить мы не

можем. Стране нужен хлеб, а наш мужик на гнедухе и себя-то еле кормит. На такой гнедухе мы далеко не уедем. И не поедем. Потому на поля наши и пришли тракторы. И мы верим: недалек день, когда вся пашня России будет подниматься машинами. А машине на ваших полосках не развернуться. Ей нужен простор, нужно поле, а не полоска...

Николая слушали со вниманием. Ему аплодировали. Особенно усердно бил в ладоши красивый, с рыжей бородкой мужчина. Он то и дело подталкивал рядом сидящего старичка, кивал на Николая, показывая большой палец, дескать, молодец малай, и без конца повторял:

— Ленин хорошо. Ленин якши!

Радовался в душе успеху и Николай. Ведь это небывалый случай. С первой встречи убедили крестьян, хотя, кроме «якши», не знали по-татарски ни слова. Но когда Николай начал было делать список желающих вступить в колхоз, все торопливо стали расходиться по домам. Поспешил вслед за ними и рыжебородый мужчина.

— А вы, бабай, почему уходите? — с отчаянием спросил у него Николай.

— Народ пошел, и я пошел.

— Значит, в колхоз вступать не хотите?

— По-русски не понимаем, — простодушно улыбался мужчина.

— А почему вы тогда хлопали, когда я говорил?

— Все хлопают и мы хлопаем...

Так ни с чем и пошли комсомольцы в совхоз. Хуже того, когда они выходили из села, к ним подбежал мальчишка и сунул Николаю в руки небольшую записку:

«Комсомола!

Иди, иди и больше не приходи!

Опять придешь, резать будим!
Убивать будим! Башка рубим!
Кишка пускам!
Ленин хорошо.
Колхоз плохо!»

Судя по почерку, эти строки писал кто-то из грамотеев. Каждая фраза этого «послания» завершалась восклицательным знаком, которым автор, видимо, придавал особый смысл. Без восклицания были только два слова: «Ленин хорошо». В остальных же словах чувствовалась и злоба и предостережение.

«Да, это... предупреждение», — подумал Николай, и в это время на мотоцикле к ним подъехал какой-то худощавый, высокого роста мужчина.

— Кто здесь старший?

— Я, — ответил Николай. — А вы кто такой?

— Уполномоченный райисполкома Червяков. — Он обвел всех недовольным взглядом и, словно сплюнул: — Скоморохи!

— Это агитбригада товарищ Червяков, — стрельнул взглядом Николай.

— Агитбригада. Какого же черта вы крестный ход устраиваете?

— Крест здесь ни при чем. И агитировали мы не за Христа, а за колхозы.

— За колхозы, — опять передразнил Червяков. — А кто давал указание на подобный балаган?

— Я.

— Ты и отвечать будешь. Фамилия?

— Уткин.

— Мальчишка. Вместо большевистской агитации балаган устроил. Комсомолец?

— Член партии.

— Где же у тебя политическое чутье? Это, во-первых. А во-вторых, почему со мной не посоветовался?

— С кем, с кем, а уж с вами советоваться я не буду.

— Почему?!

Молодежь зашушукалась, загалдела:

— А мы знаем, как вы агитируете. Наганом!

— Простый раз это не вас, агитатор, мужики в подвал загнали?

— А выстрелы мы и в совхозе слышали.

— Ну это уж не ваше телячье дело, — оборвал Червяков.

— В таком случае, товарищ Червяков, вы не сюда попали, — ответил за всех Николай. — Здесь комсомольцы и пионеры совхоза. А телята во-он на бугорочке. Наверно, вас ждут. Так что вы прямо к ним валяйте...

Все захохотали, а Червяков смерил Николая уничтожающим взглядом и повернулся к мотоциклу.

— Молокосос! — зло прошипел он Николаю в след и резко ударил каблуком по педали.

Холостежи (так в те годы чаще называли молодежь) в совхозе было не много. Но каждый день приезжали комсомольцы из Мелекесса и окрестных сел.

Клуба не было. Его по вечерам заменяла столовая, которая моментально превращалась в помещение для отдыха. Сюда и сходились вечерами совхозные девчата и парни. Спорили, репетировали, выступали с концертами, играли в «Комсомольский ручеек», в «Два — третий лишний», конечно, самую популярную хороводную игру — сельскую кадрили.

Всякий раз, когда Лена-повар предлагала сыграть кадрили, все выходили из помещения и игра начиналась у двора, на свежем воздухе.

Когда Николай первый раз увидел Лену в столовой, то оцепенел. Подает он ей в окошечко талончик и молчит, смотрит на нее и ни слова.

— Ну что уставился-то? — добродушно улыбалась Лена, — иль не видал?

— Такую не видел.

— Ну гляди, гляди. Может, талон-то ты и купил, чтобы на повара поглядеть, — лукаво посмотрела исподлобья Лена.

— Да уж на такие глаза, елки зеленые, поглядеть стоит, — искренне признался Николай. — Попадись таким, так не только сердце и печенки-то перетрут. Слава богу, что я женатый, а то наверняка бы из-за них несчастным был...

— Ну, а коль женатый, так нечего глаза пялить. Ну, кому сказала?

Лена небрежно сунула в окошечко суп, в котором ливер плавал, как пробка, и, не сводя с Николая взгляда, загремела посудой.

Вечером Николай подошел к столовой, где молодежь всю играла и веселилась. Гармошки на этот раз не было, и игра шла «на голоса», под аккомпанемент хоро-водных песен.

И вдруг с крыльца конторы раздался чей-то голос:

— Чехлоф! К директору! Николай Иванович зовет.

Чехлов побежал в контору. Игра совсем было разла-дилась, но Лена, завидя Николая, лукаво улыбнулась и позвала.

— Коля, замени друга-то.

И Николай встал рядом.

Игра снова пошла своим чередом под сильный и красивый запев Лены:

Что шумит и гремит,
Верно, дождик идет.
Сомневалась девица,
Кто до дома доведет.

Громко притопывая каблуками, запев подхватывали подружки:

Просился казак
Из-за зеленых лугов...

Вот все играющие встали в круг, Лена запела, и все пошли по кругу, попеременно подавая друг другу руки.

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Я сеяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

И в это время вернулся из конторы Федор Чехлов. Он прямо с ходу включился в игру, легонько отстранив друга. Николай покорно уступил место и отошел в сторону. А Лена, словно специально для него, продолжала чистым голосом:

Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, ленок беленький,
Воротися, дружок
миленький...

Ложась в постель, Николай поймал себя на мысли, что повторяет слова песни: «Уж я сеяла, сеяла ленок», а в ушах так и звенит, так и разливается голос Лены.

«Лена сеяла ленок, — скаламбурил про себя Николай, — черт возьми, как звучно: Лена-ленок. И ласково и точнее не выдумаешь. У нее и вправду волосы, как льняные пряди... А, впрочем, что это я о ней раздумал-

ся, дурак?» — упрекнул себя Николай и с головой укрывшись одеялом. Но через минуту опять невольно вздохнул: «Ну и глазищи! Действительно, жернова!»...

С этих пор Николай называл Лену своим звучным, ласковым и полюбившимся ему словосочетанием. Всякий раз, подходя к окошечку, Николай повторял неизменную фразу:

— Здравствуй, Лена-Ленок.

Лена улыбалась и глядела из окошечка, раскрасневшаяся, как солнышко.

— Ну что ты сегодня стряпала?

И пока ел, то не удостаивал Лену ни взглядом, ни единым словом.

12

Николай забежал в столовую задолго до начала ужина. Постучал в раздаточное окошечко, но никто ему не ответил.

— Алло! — прижал Николай ладонь к уху. — Мне бы кухню. Да нет, не ресторан. Зачем мне ресторан? Разве в ресторане, как у нас готовят? Ну вот и давайте повара. Да, Леной. Что? Не знаете Лену? Елки зеленые! Тогда вы просто несчастный человек...

— Ну ты, артист, что-то раненько пожаловал. Концерт-то еще вечером будет, — выглянула в окошечко Лена.

— Здравствуй, Ленок. А я уж было как лиса; хотел петь песенку «Выгляни в окошко», — смеялся Николай, уставя на нее черные угольки глаз. — А концерт на сей раз без меня обойдется. Нынче я в ночь работаю. Нет ли у тебя чего-нибудь перекусить?

— Да ничего не готово еще. Постой, тебе повезло. У меня молоко есть, — подала Лена бутылку.

— У, это дело! Не спьянюсь с такой дозы?

— Да кто тебя знает.

— Спасибо, Леноч. Конфеты за мной. Тогда я поем в поле. Хлеб у меня с собой.

Николай торопливо сунул бутылку в карман и вышел из столовой, за ним выбежала Лена.

— Ко-оля! — окликнула она.

Он остановился. Лена еще гуще загорелась румянцем и смущенно вытирала фартуком руки.

— Ну, что?

— Да ничего, просто так, — одустила глаза Лена.

— Как ничего?

— Ты на каком поле будешь?

— На третьем. А что?

Лена не ответила.

— Уж не Нургаяна ли заменить хочешь? — пошутил Николай, — он у меня приболел малость. Что ж, против такого помощника я возражений не имею.

— Я тебе ужин принесу.

— Ну вот еще! Зачем такая канитель? Ты смотри, какой у меня ужин в кармане.

— Тогда ладно, — повернулась Лена, — до завтрака.

А Николаю показалось, что Лена сказала: «До завтра». Значит, у нее есть какой-то до него особо-секретный разговор.

«Интересно, — думал по дороге Николай, — что-то она не договаривает. Уж не в беду ли девка попала? Чего доброго! В два счета может. Вдыхателей по ней чертова дюжина, а девка она... — он искал нужного слова и не находил, — да, девка она ое-ей, приманчивая...».

Сгущались сумерки. На небе одна за одной вспыхивали звезды, где-то в совхозе затренькала балалайка, а Николай сделал уже первый круг.

Подъезжая к краю поля, он издали заметил белое платье и подумал: «Кто-то, видимо, из другого села к нашим ребятам идет». Но, подъехав ближе, Николай сразу узнал девушку. Это была Лена. «Фу ты, елки зеленые, — напугался и обрадовался Николай, — неужели она и в самом деле ужин принесла?». Он быстро нажал на рычаг, и трактор замер.

Лена направилась прямо к нему, и Николай увидел, что в руках у нее, кроме придорожного василька, совсем ничего нет.

— Добрый вечер, — улыбнулась Лена.

— Добрая ночь, пожалуй, вернее. Ты это куда так поздно? — удивился Николай.

— К тебе. Куда же еще.

— Вот как!

— А тебе разве не хотелось, чтобы я пришла?

Николай только пожал плечами, абсолютно ничего не понимая.

— Девчонки испугался? Да?

— Напугаешься, небось. Ты вон, как с того света, вся в белом. Другой человек на моем месте сорок раз перекрестился бы.

— А мне кажется, что и ты вот-вот перекрестишься, хотя и активист. Хоть вроде парень не из робкого десятка. — А струхнул. Эх ты, кавалер, кавалер. А еще кадрили играешь, девок с ума сводишь.

— Так уж и свожу, — смутился Николай. Он стоял около Лены чумазый, перепачканный пылью и мазутом. В темноте лишь зубы белели. — Одну свел и с меня хватит.

— Ишь ты какой скромный, — сверлила его взглядом Лена, — одну, говоришь? А что ты скажешь, если и еще одну свел?

Находясь в поле один на один с этой глазастой и непонятной ему девчонкой, Николай будто не надеялся на себя. Он чувствовал взгляд Лены и, словно отпугивая ее, заговорил о своей Груне.

— Вот и жена у меня так же смотрит. Уставится взглядом и словно испытывает, — ни с того ни с сего начал он. — Ты знаешь, какая у меня жена? Груня ее зовут...

Николай хотел говорить о достоинствах жены, но не заметил, как стал подчеркивать достоинства Лены.

— Зато она добрая, сердечная. Она ведь, Ленок...

Николай замолчал и спохватился: «Эх, елки зеленые! Да к чему я это рассказываю? Ведь Лена, наверно, не на лекцию пришла».

— Слушай, Ленок. Все-таки ты зачем пришла? Может, что неладно, так ты говори, не стесняйся.

Кончиком туфельки Лена пододвигала один комок земли к другому и ничего не говорила.

— Ты что молчишь-то? — чувствовал себя неловко Николай. — Говори. Что-нибудь случилось?

Лена подняла брови и снова уставила на него неподвижный взгляд.

— Да, случилось, — прошептала она и нижняя ее губа дрогнула.

— Ну рассказывай.

— Да что рассказывать? Люблю я тебя, Колька, вот и весь рассказ.

Николай был огорошен окончательно. А Лена, уже не стесняясь, тихо и взволнованно продолжала:

— Сперва я думала, что все это просто так. Блажь одна. Но приду с работы и ни за что не могу взяться.

Мечусь из угла в угол, а места не нахожу. И так изо дня в день. Хотела уж бежать из совхоза, а потом раздумала, жалко стало. И к совхозу, и к людям привыкла. И тебя не видеть тяжело...

Потянуло прохладой. Легкий ветерок хлестнул в лицо свежей струей, но все равно от слов Лены Николаю было жарко. Он вынул из кармана коробок и начал чиркать спички одну за одной, как мальчишка.

Николай никак не мог придумать: как быть? Какие говорить слова? Лучший агитатор совхоза, не раз вступавший в споры с кулаками, сейчас он растерялся перед девчонкой, беспомощно переминался с ноги на ногу и глядел на нее, как виноватый.

После признания Лены Николаю показалось, что все слова утратили силу.

Гнетущая тишина торопила сказать что-то хорошее, но такие слова не приходили в голову.

— Елки зеленые! Так ты только с этим и пришла? — невпопад спросил Николай.

— Только с этим, — сквозь слезы передразнила она. — А ты... ты... чурбак ты, Колька, кирпич. каленый, железяка бесчувственная, «фордзон»...

«Вот, елки зеленые, черт толкнул меня брякнуть ей эти глупые слова», — сокрушался Николай.

— Ну и дурочка ты, Ленка. Ей-богу, дурочка. Да какой тебе прок любить женатика? У меня уже дочка Владленка растет. Забавная такая пигалица...

Николай замолчал. Он опять вынул коробок, чиркнул спичку и впервые пожалел, что не курит.

— Вот ты меня чурбаком называла, «фордзоном» и железякой бесчувственной. А я начистоту: не такой уж я железный. Я даже больше скажу: нравишься ты мне, — продолжал Николай. — Очень нравишься. Но... Но что ж делать? Наплевать на совесть, разломать все

в щепки и начинать сызнова? Мы с тобой новую жизнь делаем, Лена. И для себя и для других делаем. На нас столько глаз смотрит — так ли мы ее строим. Что скажут о нас, если из борозды выйдем. Скажут, других уму-разуму учат, а самих, видно, господь бог обидел.

— Да, может, Коля, и так, — согласилась Лена. — Ты уж извини меня. Но ведь я все поняла. И себя поняла, и тебя. Хороший ты парень. Сильный. Жене твоей завидую. Счастливая она у тебя. Не знаю, стоит ли она твоей верности. Наверное, стоит. Спасибо, Коля, за совет. Попробую переболеть. Только вряд ли у меня что получится.

— И мне теперь нелегко. То, что в душу вошло, рад бы вырвать, да не вырubiшь. Зубила такого нет.

Опять дунул ветерок, подхватив ее белое платье.

— Ну, я пойду, Коля, — прошептала Лена, — а то поздно уже. Разреши только я погляжу на тебя.

Лена взяла его лицо в ладони, торопливо прижалась губами к чумазой щеке и, слегка отстранив Николая, погрозила пальцем.

— И об этом, Коля, никому. Ни слова! Слышишь?

Она еще раз посмотрела ему в глаза и, не оглядываясь, побежала через пашню, к неровной проселочной дороге.

13

Николай вернулся со смены какой-то разбитый. Спать не хотелось, во всем теле чувствовалась то ли усталость, то ли недомогание.

Нургаян сидел за столом и старательно выводил на тетрадке буквы и цифры.

— Как оно, здоровье-то, тезка?

— Здоровье, совсем здоровый.

— Тогда поздравляю.

— Тебя, Коля, поздравлять надо.

Николай не понял и промолчал.

— В газете заметка есть, сам прочитал. Давай прочитай и ты.

Последние три дня Николай за газеты не брался. На тумбочке его скопилась целая стопка местных и центральных газет, которые Нургаян складывал ему аккуратно и следил, чтобы кто-нибудь не взял газету на курево.

Николай бегло просматривал газету за газетой. Бросались в глаза кричащие заголовки: «Нечего церемониться с кулаками», «Разогнать кулацкое правление», «Не верьте кулацким слезам», «Раздавим кулацкую гадину»...

«Что случилось? — думал Николай, — почему газеты вдруг перешли на такой резкий тон? Уж не началась ли решительная кампания против кулака? Что ж, пора! Пока они не будут обезврежены, коллективизация так и будет хромать».

В разделе «Местная жизнь» газета «Власть труда» поместила заметки:

...В селе Хрящевка сгорело два дома и 12 голов скота. Обезумевшие от горя крестьяне не знали, что делать. Комсомольцы Хрящевки пришли им на помощь. Они пошли по селу с подписным листом и набрали 77 пудов хлеба и 45 рублей. Население охотно помогло, говоря, что «комсомольцы делают хорошее дело»...

...За два года территория зерносовхоза им. Крупской увеличилась в три раза и состоит сейчас из 43 000 га. Скоро будет прирезано еще 5 тыс. гектаров. В озимом яровом клину посеяно 20 500 га. В совхозе имеется 1916 механических сил.

...В селе ст. Рождествено от кулацкого поджога сгорело 17 домов, из них четыре колхозных. Первым был подожжен дом колхозника-активиста. Противопожарных инструментов не оказалось.

...В последние два года, в результате кулацкой агитации в деревне было уничтожено очень много крупного рогатого скота. Необходимо принять меры для обеспечения рабочего снабжения и экспорта за счет яиц и масла.

...План весеннего сева колхозы выполнили полностью. За-то единоличник не досоделал 24 000 га.

...В ближайшее время в колхозах района намечено создать 7 молочнотоварных и 4 свиноводческих фермы. В каждой из них должно быть не менее 100 голов скота.

Герои сева социалистической фабрики зерна

В зерносовхозе имени Крупской 387 ударников. Лучшие образцы боевой работы в весенне-посевной кампании показали следующие товарищи:

Тракторист тов. Кузьмин — за 104 часа работы на «Одн-вере» он должен был обработать 209 га. Он перевыполнил этот план за 42 часа, сделав 225,45 га.

Тракторист Уткин — дал наивысшие показатели работы. За 112 часов он должен был вспахать и посеять 433 га. Но благодаря хорошему отношению к труду и к машине, которая ни на минуту не выбывала из строя, он сделал 435 гектаров за 65 часов, сократив время почти вдвое...

В одном из номеров была помещена большая статья секретаря райкома Позднякова. Она заканчивалась словами, которые Николай подчеркнул карандашом.

«...В деле развертывания коллективизации до сих пор нет необходимого перелома, тогда как район поставил своей задачей к 25 мая — к дню открытия съезда кол-

хозов, куда будут приглашены и представители единоличников, — превратить район в район сплошной коллективизации...

Председателям Советов, секретарям ячеек и уполномоченным необходимо помнить, что всякое проявление бездействия и благодушия в деле коллективизации будет жестоко караться».

— Ничего не понимаю, — вслух сказал Николай. — То говорили — к уборочной, то — к 25 мая... Да, дорогой товарищ секретарь, 10 дней осталось! За это время, если всех в колхоз цыганским кнутом гнать, и то не успеешь.

Николай отодвинул газеты и стал раздеваться.

— Нургаян, в 12 часов разбуди меня.

— Ладно.

— Но спал Николай беспокойно. Снилось ему, что жена Груня приехала в совхоз и он пошел с ней на работу вместе. И вдруг навстречу — Лена. Она остановила его и грустно произнесла: — Эх, Колька, Колька. Любят тебя двое, да только никому-то из них ты не достанешься...».

14

Волки!

Просто одолели. Утром, в пятницу, утащили овцу, вечером на глазах у пастуха задрали теленка, а ночью растерзали двух совхозных лошадей.

К Николаю Ивановичу в контору то и дело приходили люди с жалобами на волков и просили принять неотложные меры.

— Слушай, Коля, — обратился он к Уткину, — собери-ка ты своих ребят и загляни в этот лесочек. Не убьете ни одного, так хоть попугаете. Кстати, читал в

газете — конкурс объявлен? Чего доброго, и премию отхватите.

Вечером Николай принес ружье, а рано утром Федор Чехлов, Александр Караев, он и Нургаян отправились на охоту.

Еще не сошла роса, а охотники уже пробирались сквозь заросли кустарника, стараясь ступать мягче и говорить шепотом. А лес проснулся, ожил, защелкал, за скрипел и затенькал на все лады. Бог ты мой! Кого только не было в этом лесном, в полном смысле разнопером хоре!

— Погодите, — вполголоса сказал Николай своим спутникам, — давайте послушаем немного. — Он прислонился к дереву. И вдруг до слуха донесся чей-то громкий крик:

— А-а!..

— Ты слышишь, Саня? — спросил он рядом стоящего Караева, — вроде «ау» кричат. Похоже, кто-то с утра пораньше заблудиться успел.

— А мне послышалось кто-то «разбой» кричит, — ответил Караев и прислушался.

Крик раздался снова, где-то совсем недалеко и звучал все надрывнее и тревожнее. Значит, кто-то попал в беду. Или застрял в болоте, или угодил в волчьи лапы.

Друзья бросились бежать на крик. Они уже ясно различали женский голос и непонятные слова, какие разобрал только Нургаян.

— Это, нехорошо... Это кричит татарский девушка...

Николай раздвинул кусты и остановился. Прямо на него здоровенный детина в тюбетейке тащил девушку. Она кричала, билась ногами и кусала ему руки.

В два прыжка Николай очутился рядом с верзилой и в упор наставил на него дуло ружья.

— Стой, руки вверх!

От неожиданности насильник остановился, как вкопанный, затем бросил девушку и пустился наутек.

— Стой, стрелять буду!

Беглец не останавливался. Он бежал к опушке леса, где стояла его лошадь, запряженная в легкую бричку.

Николай поднял ружье над головой и нажал спуск. Грянул выстрел—и эхо покатилося по всему лесу. А беглец от испуга, словно подбитый, рухнул на траву и не шевелился. «Не укокал ли я его?» — напугался Николай и, подбежав к незнакомцу, властно крикнул:

— Встать!

Мужчина повиновался. Он еле переводил дух и, сняв тюбетейку, вытирал ею потное лицо и шею. На вид ему было лет сорок, холеное лицо горело румянцем.

— Ну-ка, развяжи ей руки, — указал Николай на смущенную, совсем еще юную девушку. Она лежала в неловкой позе, платье ее вздернулось выше колен и она никак не могла его поправить.

Мужчина послушно развязал веревку. Девушка быстро поднялась и плюнула своему обидчику в лицо. Тот даже не вытер плевка и стоял, низко опустив голову.

— Кто ты такой? — спросил Николай.

Молчание.

— Как фамилия?

Опять ни слова.

— Как фамилия, спрашиваю? — закричал Николай, но мужчина зло посмотрел на него, сверкнул раскосыми глазами и не проронил ни звука.

— Нургаян! Ну-ка, елки зеленые, скрути ему руки назад. Мы его в милицию отправим. Может, там поразговорчивей будет.

С этой задачей Нургаян справился великолепно. Он подтолкнул «пленного» к повозке, а сам подошел к девушке и заговорил с ней на родном языке.

Девушка рассказала, что живет она в соседнем селе и этот парень тоже. Зовут его Айтуган. Он сын богатого мельника, вот уже целый год преследует ее и не дает проходу. Недавно он присылал сватов, а она не пошла. Тогда он сказал, что овладеет ею силой. И вот нынче утром она погнала корову в стадо, а Айтуган подкараулил ее, связал руки, бросил на подводу и погнал лошадей в лес...

— Караев, Саня! — окликнул Николай. — Придется тебе его конвоировать. Давай садись на подводу и дуй прямо к Большебородову. Он знает, что с ним делать. Ружье мы тебе не дадим, оно нам еще понадобится, а вот ремни, пожалуй, пожертвуем. На всякий случай свяжи ему и ноги. А то, елки зеленые, этот молодец не хуже жеребца бегаёт.

Девушка пришла в себя, поправила взлохмаченные волосы, но ей еще не верилось, что все обошлось благополучно. Эти неожиданные избавители появились, как с неба, когда она уже ни на что не надеялась.

— Тебя как зовут? — спросил Федор раскрасневшаяся от волнения девушку.

— Гюзель.

Ребята проводили Гюзель до половины пути, и Николай долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом дороги.

— Да, у этого бабая губа не дура, — улыбнулся Николай, — у самого, елки зеленые, брюхо до земли, а девчонку сграбастал...

Они снова углубились в чашу леса, но каждый про себя думал, что охота испорчена и им придется возвращаться не солоно хлебавши.

— Слышь, земляк, — нарушил молчание Николай и многозначительно поглядел на Федора Чехлова. — А ведь охота, елки зеленые, можно сказать, все равно

удачная: один волк уже есть, другой обязательно должен быть.

Они зашли далеко в лес. Пахло сыростью, грибной прелью и тонким ароматом ландышей. Друзья принялись было собирать цветы, как вдруг откуда-то вымахнула поджарая волчица. Она неторопливо пробежала несколько шагов и, словно поддразнивая охотников, остановилась.

Николай вскинул ружье. Грянул выстрел, но волчица, как заколдованная, все так же шла от куста к кусту, не переставая оглядываться на охотников.

— По-моему, у нее где-то здесь волчата, — догадался Федор, — раз волчица заигрывает с нами и не спешит прятаться, значит, она рискует не зря. Значит, хочет отвести нас подальше от логова. Смотрите внимательно под кустами и прислушивайтесь.

А через несколько минут послышался радостный голос Нургаяна:

— Нашел! Скорее сюда!

В кустах, в небольшом углублении под старым пеньком повизгивали волчата. Целый выводок! Нургаян сунул туда палку, волчата прижались друг к другу и затихли.

— Не беспокой их тетка. Я буду живьем брать.

Николай сбросил с себя легкий пиджачок, один рукав надел до половины и сунул руку в логово. Как ни упирались маленькие хищники, все равно Николай вытянул на свет божий одного за другим всех восьмерых. Они были пугливые и безобидные, как кутята. Нургаян, глядя на них, радовался и попытался одного даже погладить.

— Ух, какой красивый!..

Но волчонок не нуждался в человеческой ласке. Он изловчился и больно укусил Нургаяну палец. Нургаян даже вскрикнул.

— Видишь, тезка, как он показывает свою природу. А ты, елки зеленые, к нему с умилением, какой красивый. С волками, брат, нельзя заигрывать. Маленький волк и большой волк — все равно волк. Так что пальца в рот ему не клади. Без руки останешься.

Домой они возвращались вечером, когда на небе одна за другой вспыхивали далекие холодные звезды, а на усадьбе совхоза загорались огоньками окна.

Нургаян глянул на неровный ломтик луны, на мигающие звезды и сказал скорее всего для себя:

— Звезды, как молодежа. Днем не видать, на работе, а вечером на вечерка идет... Смотри, смотри. Один сорвался и полетел.

Описав на небе длинную светлую дугу, звезда исчезла в бездне полумрака.

Охотники ступили в усадьбу совхоза, и со всех сторон, чуя волчий дух, тревожно залаяли дворняжки.

15

Июльское солнце повисло прямо над головой. Жарища. Сушь. На всем небосводе хоть бы на смех одно-единное облачко. А вокруг степь. Вчера она еще лежала в тихой безмятежной полудреме, а ныне там и тут загорелась золотым пламенем спелого хлеба.

В эту совхозную страду хлеба поспели рано. Застрекотали жатки и сноповязки, а тракторы снова начали пластать плугами землю, и опять поля огласились монотонным воем «фордзонов» и «катерпиллеров».

Николай Уткин заканчивал смену и делал последний круг. На повороте он остановил трактор и обернулся к

плугарю Нургаяну. Опустив низко голову, тот клевал носом.

— Эй, тетка, уснул? — крикнул Николай задремавшему подростку.

Нургаян вскинул голову и непонимающе уставился на Николая.

— Ая-яй, тетка, — подтрунивал Николай, — держался, держался молодцом и, на вот тебе, на последнем круге подкачал...

Чумазый от пыли Нургаян смущенно улыбался, измятой кепчонкой протирая глаза.

— Жара заморил мало-мало, — виновато признался он, — башка тяжелый, вниз идет.

— Ну, ладно, ладно, тетка. Давай напои машину. Только в другой раз, как дремота насыдет, лучше скажи. А то чего доброго, угодишь под лемех.

Нургаян схватил ведро и бросился за водой к деревянной бочке.

Воду, оказывается, только что привезли, и Нургаян с наслаждением пил прямо из ведра.

— Хватит, тетка, хватит. В радиатор-то оставь, — смеялся Николай.

— И моя радиатор вода надо, — отвечал Нургаян, хлопая по животу ладонью. — Здесь, Коля, мяса юк, хлеба мало, вода много. Бочка два будет. А курсак тоже, как машина, смазка надо.

Довольный шуткой, Нургаян заразительно смеялся, поблескивая красивыми ровными зубами.

— Эх, Коля, Коля, — лукаво продолжал Нургаян, — моя курсак нынче праздник будет. Вечером в гости пойдет, беляши ашать. Моя бабушка так стряпает, на весь Мордоос пахнет. — И Нургаян как бы в доказательство прищелкнул языком и показал большой палец.

При упоминании о Мордово-Озере Николай помор-

шился, вспомнив, что после смены ему опять идти в это село. С полмесяца назад он с комсомольцами совхоза собрал там народ и агитировал единоличников вступать в колхоз. Но настоящего разговора не получилось. Не помогла в этом и художественная самоделательность, за которую им попало от Червякова. Но самая главная беда заключалась в том, что не было активистов из числа татарской молодежи. На этот раз они пойдут не только вести разговор с народом о заготовках скота, но и решать этот вопрос практически.

«Чертова собственность, — думал Николай. — Она и человека зверем делает».

Невольно вспомнилась Малая Кандаля и раскулачивание дальнего родственника жены. Тогда в его избу вместе с активистами села пришел и Николай.

— На своих идешь?! — закричал на него родич.

— Я мироедов среди своих не числю, — ответил Николай.

— Ах, так!

Все остальное произошло в считанные секунды. Николай еле успел увернуться от брошенного в него топора...

Вот почему Николай и поморщился, когда Нургаян напомнил ему о Мордово-Озере.

«А не перегибаем ли мы? — спросил себя Николай, — Ну, почему мужик так сопротивляется? В колхозе плохо? Он еще его и не знает. Да просто темный он. С ним работать да работать, а мы не даем ему возможности самому увидеть выгоду колхоза... Кулак — другое дело. Добрым словом с ним ничего не сделаешь. Но бедняк, бедняк! Ведь нередко и ему достается...».

— О чем задумал, Коля? — громко спросил Нургаян, стараясь перекричать шум мотора.

Николай ответил не сразу.

— О жизни, тетка, о тебе, о твоей деревне, о колхозе.

— А колхоз — это хорошо?

— Кулакам, конечно, не нравится. А беднота, кроме нищеты, ничего не теряет.

— И мулла тоже в колхоз?

— Лошади у него есть?

— Две и один рысак.

— Сдаст их и его примут.

Нургаян недоверчиво посмотрел на Николая, словно хотел разглядеть, не шутит ли он, и покачал головой.

— Мулла в колхоз не пойдет. Нет, не пойдет. И мужиков не пустит.

— Как не пустит? — Николай резко нажал на тормоз и остановил трактор.

— А так. Наша мулла сила большой имеет. У него полсела взайма берет и он полсела в руках держит.

Николай усмехнулся и тихонько похлопал Нургаяна по плечу.

— Не тужи, тетка, Мулла, конечно, сила, спору нет. Но мы царя одолели. Ты понимаешь — царя! А сейчас садись-ка на мое место. У меня глаза устали. Отдохну малость.

Нургаян мигом забрался на сиденье, положил руки на «круглые вожжи». Трактор вздрогнул и плавно двинулся по полю.

Был Нургаян любознательным и способным мальчуганом. Он внимательно приглядывался ко всему, что делал Николай, и за короткое время овладел многими его приемами.

Николай обвел взглядом линию горизонта. Огромная степь расстилалась гигантским цветным покрывалом, радуя глаз сочными красками. И куда бы Николай ни бросил взор — все ему было близко, дорого, знакомо.

— Коля, я пойду с вами в Мордоос?

— Я уже тебе сказал тезка: сперва приведи в порядок плуг. Сними лемеха, отнеси их в кузницу на отбивку, а колеса смажь. Пока мы туда едем, ты все сделаешь и придешь.

Нургаян обиделся.

— Я хочу слушать, как колхоз пишут. А пока я шутр-бутр делаю, не успею. Приду — шапка на разбор.

— Успеешь, тезка, успеешь.

— Коля, татарский-русский опять не понимает, а я тебе помощь делаю.

Николай усмехнулся.

— Эх ты, переводчик. Нынче, тезка, с нами пойдет Большебородов, а он по-татарски не хуже тебя разговаривает. Ну, давай, дуй. Под правое колесо шайбу не забудь поставить. И приходи. Пока мы народ собираем, ты в самый раз и угодишь...

Но на этот раз собрать народ к сельсовету не удалось. Председателя не было, сказали, уехал в больницу. Курьерша обошла все избы, приглашая на собрание. Никто не отказывался и никто не приходил.

Николай вспомнил полученную в прошлый раз записку и подумал: кулаки, оказывается, не дремали. Видно, они хорошо обработали людей.

Большебородов то и дело щелкает крышкой часов, ходит взад-вперед и нетерпеливо посматривает в пустынную улицу села.

— Почти час торчим — и ни единой души. Как вымерли все.

— Да-а, елки зеленые, кто-то, видать, здесь до нас поработал. И Джебарова, как на грех, нет, — заметил Николай.

Только Куразеев невозмутимо сидел на завалинке и не проявлял никакого беспокойства.

— Придется, наверно, обратно шлепать, — равнодушно сказал он, рассердив этим Николая.

— Ты, что? Ради прогулки сюда шел?

У Куразеева не дрогнула ни одна жилка.

— Не с мечетью же разговаривать будем.

— Не с мечетью, а с каждым персонально, — твердо сказал Николай.

Большебородов насторожился.

— Как с каждым? Уж не по дворам ли ты ходить собираешься?

— По дворам.

— Да ты что, Колька, выдумал? Тут их и до морковкиного заговенья не обойдешь, — вскинул брови Большебородов. В новой милицейской форме с кобурой на поясе он чувствовал себя уверенно.

— По домам пойдем, — резанул Николай ладонью по воздуху.

— погоди, Коля, — возразил Большебородов. — Надо еще раз послать эту барышню по домам и решительно потребовать, чтобы все шли сюда. Иначе...

— Что иначе? — недовольно покосился на него Николай, — думаешь страху нагнать? Напрасно. Этим еще хуже отпугнешь. Напортишь только.

Но Большебородова поддержал Куразеев.

— А если с каждым бабаем балясы разводить, то вряд ли колхоз быстро организуешь.

— А нам спешить некуда. Колхоз — не пожар. В него народ по набату не созовешь. Ясно?

— Ясно-то, ясно, только мужик не девка, чтобы его уговаривать.

— Не де-ёвка, — передразнил Николай. — С девкой

проще. Ты вот, елки зеленые, попробуй мужика уговори... Пошли!..

Так эта тройка пошла по избам и вела с крестьянами трудный и откровенный разговор о колхозе, о заготовках, о завтрашнем дне деревни. Николай записывал, сколько каждый двор имеет скота, брал на заметку, на кого можно опереться. И никто из троих даже не заметил, как по пятам за ними ходил рыжебородый мужчина с ребенком на руках. Едва Николай с друзьями выходили со двора, как тот самый рыжебородый, крадучись пробирался в избу и тихонько прикрывал за собой дверь.

— Ушли? Записывали? — с ходу обрушивался он на хозяев с вопросами.

Это был Ибрагим, родственник муллы, приехавший в село откуда-то из-под Казани.*

— Да, да, писали.

— Они записывают скот и тех, кто не пришел на собрание, — пугал Ибрагим. — Вот составят список, а потом всех в ОГПУ поволокнут. Я же вам говорил, молчать надо.

Крестьяне испуганно разводили руками, вздыхали, а женщины молились, призывая на помощь аллаха.

— Сейчас аллах не поможет. Надо самим помогать, — переходил Ибрагим на шепот. — Мы можем отнять у них этот список, но нам нужна ваша помощь. По сигналу «алла» надо выбежать на улицу кто с чем — с вилами, с топором, с палкой. Чем больше, тем лучше. Вы только шумите, а уж мы под шумок дело сделаем.

А Николай с друзьями тем временем направился в ветхую крайнюю избенку. Над селом опускался вечер, и они решили, что пора кончать обход и возвращаться в совхоз. Но не успел Николай звякнуть щеколдой калитки, как раздался пронзительный крик и со всех сторон побежал народ...

Большебородов пинком распахнул калитку, на ходу растегнул кобуру и, выхватив наган, выстрелил в воздух. Толпа взвизгнула и отхлынула назад.

— Куда? Куда прете? — кричал Большебородов, входя в свою роль. — Какая контра руководит вами? Да это же бунт! Бунт!..

Большебородов не договорил. Кто-то сзади с размаху сильно ударил его по руке. Наган выскользнул из ладони и повис, мотаясь, на тонком темляке. Большебородов тихо охнул, резко повернулся назад, и, закусывая зубами боль, дотянулся до нагана. Но на него обрушилось несколько ударов с другой стороны.

— Колька! У-уткин! — закричал Большебородов своим голосом. И когда Николай метнулся на помощь, он приблизился к нему и вполголоса приказал: — Аллюром в совхоз! Дело керосином пахнет...

Николай махнул через плетень снова во двор, там прыгнул через низенький заборик и выбирал место, где бы юркнуть незаметно на дорогу в совхоз.

Народ кричал кто во что горазд, гремел вилами, топорами и лопотал что-то по-своему. Даже знавший татарский язык Большебородов не мог разобрать в этом гвалте ни единого слова. Но вот он услышал, как кто-то сбоку подзадоривал другого:

— Топором! Топором его!..

И опять толпа стала сжимать кольцо, стараясь приблизиться к Большебородову и разорвать его на части. И только черный глазок нагана мало-мальски сдерживал этих.

— Назад! — кричал Большебородов, — назад или стрелять буду!..

Были минуты, когда он действительно хотел нажать на спусковой крючок и выстрелить в лысого мужичонку; он без конца кидал в него камни и ни разу не про-

махнулся. Но Большебородов давал себе отчет, что если он уложит кого-то из них — это вызовет новый приступ ярости толпы и тогда ему надеяться не на что...

Но его решимость чувствовали многие. Потому и не лезли напролом на мушку нагана, а старались держаться на почтительном расстоянии.

Большебородов видел, как Уткин пытался проскочить сквозь плотную людскую толпу и, видимо, поняв безнадежность попытки, побежал прямо к сельсовету. За ним с криком метнулось несколько человек, и Большебородов выстрелил вверх, стараясь отвлечь их внимание на себя и тем самым дать Николаю возможность скрыться.

Преследователи Уткина остановились, постояли, посоветовались и вернулись к остальным, все еще наседавшим на милиционера. А Большебородов, видя, что Николай уже в безопасности, рванулся к сельсовету, как в единственное место, где можно укрыться.

Где-то недалеко громко залаяла собака и за компанию с ней затыкала другая. «Уж не собак ли спускают?» — тревожно озирался Большебородов, ускоряя бег.

Послышалось раскатистое щелканье пастушьего кнута, протяжно замычали коровы и во всю ширину улицы в село вторгнулось стадо. Оно на какое-то время отвлекло мужиков, напомня о хозяйстве, и толпа сразу разделась надвое. Одни заторопились домой, другие снова бросились вслед за Большебородовым...

А Николай был уже на чердаке сельсовета. Ему не хотелось оставлять товарища в беде, хоть и вооруженного. «Вот Куразеев... Елки зеленые! А где Куразеев? — мелькнула у Николая мысль. — В этой суматохе я даже не заметил, куда он исчез. Вот это номер! Хороши друзья, нечего сказать. Товарища нет и они не хватились. Может, его уже растерзали... А, может, он все-таки проскочил?..».

Николай быстро прорыл дыру в соломенной крыше и высунул голову. Вплотную к противоположной стене сельсовета примыкал огород с высокими башкастыми подсолнухами, за ними шли посадки картофеля, дальше — широкий овраг. А там начинались поля совхозной пшеницы...

Внизу гулко хлопнула сенная дверь, звякнул крючок и прежде чем раздались удары в дверь и окна, Николай камнем скатился в подсолнухи. Он уже не слышал, как начали взламывать дверь, как из-под острых топоров полетели щепки, как со звоном была вырвана рама и в пустую глазницу оконного проема начали бросать комья земли да камни.

Все это осталось позади. Он миновал подсолнухи, картофель и полз на четвереньках через полынь, на дно оврага. Сердце бешено колотилось, пот пропитал рубашку насквозь, заливал глаза и вместе с полынью набивался в рот. Во рту была сухая горечь, будто он нажевался хины. Его тошнило, а он все полз и полз.

Вот и овраг. Теперь можно подняться и бежать во весь рост.

Себя Николай уже считал в безопасности. Но он не позволил себе не только передохнуть, а даже сбавить шаг и бежал.

А толпа тем временем остервенело сорвала с петель одну дверь, расщепала топорами другую и ворвалась в помещение сельсовета. Но Большебородов предвидел это и заранее забрался в подпол, через узенькую, в три дощечки, дверцу. Он прикинул, что лезть к нему никто не рискнет. В барабане нагана оставалось еще пять патронов. «Пятерых уложу, шестого рукояткой. А там что будет. Может, подоспеет Николай, может, Куразеев»...

«Постой, постой, — спохватился Большебородов, — а где же Куразеев? Хорошо помню, что мы зашли во

двор все трое. Но когда хлынула толпа, Николай выбежал со двора. А Куразеев так и не появился.

— Комсомола! Выходи избам, хуже будет! — грозно крикнул кто-то и сунул в открытую дверцу подпола вилы.

Большебородов уперся обеими руками в половицы и сильно ударил ногой выше трубочки вил. Державший их, видимо, не ожидал удара, и вилы, звякнув, воткнулись в противоположную завалинку. Теперь у него оказалось еще одно оружие. Правда, приходилось сидеть, согнувшись в три погибели. Но главное со всех сторон его защищают стены, а небольшой квадратик дверцы так и стоит перед глазами.

— Выходи один, выходи другой — кричали из избы, — отдавай бумажка, отдавай списка!..

Большебородов понял: мужики считают, что в подполе двое и решил играть роль за двоих.

— Ипташляр! — крикнул он по-татарски. — Сезне алда-дылар. Без сезгэ берни начарлык келемадек. — Товарищи! Вас обманули. Мы не хотели вам делать никакого зла.

И тут же сменил голос и сказал по-русски:

— Для вас же старались, для вашего счастья.

— Беркем сезне качлап колхозга куаламый. — Насильно в колхоз никто никого не гонит.

И опять по-русски, не своим голосом:

— Кто не хочет в колхоз, пусть живет одиночно. Его воля...

Но этот спектакль продолжался недолго. Кто-то из мужиков полез на чердак, обнаружил в крыше отверстие и догадался, что один из комсомольцев убежал. Мужик вылез в эту дыру на крышу и, приложив к глазам обе ладони, огляделся по сторонам. Далеко-далеко, по-

среди желто-рыжей пшеницы чернела чья-то небольшая фигурка.

— Комсомола! Во-он где комсомола! — громко закричал бабай и показал в ту сторону пальцем.

Стоявшие внизу заревели:

— Догнать его!

▲ Лошадей сюда!

И в это время верхами на лошадях прискакали два брата Мансур и Ахмет. Их не было дома, они ездили в поле за травой. Когда вернулись домой и услышали на улице шум, они выпрягли лошадей и из любопытства поскакали к сельсовету. К ним бросились несколько пожилых односельчан.

— Малай, давай догоняй!

— Убежал. Туда убежал!

— Скорее скачи. Отними список...

Вряд ли братья понимали, что от них требуют. Они поняли только одно: кто-то убежал, надо его догнать и что-то отнять. И Мансур с Ахметом, поощряемые криком и свистом, лихо поскакали в сторону, куда указывал бабай с крыши.

17

Но бабай ошибся. Это был не Николай, а Нургаян. Перекинув лапти через плечо, он почти бежал.

Вдруг, словно из-под земли, вынырнул чумазый, вспотевший и взлохмаченный Николай.

— Ко-оля! — удивился Нургаян.

— Бе-беда, тетка.., — еле выговаривал Николай, — в селе бунт. Кто-то подговорил мужиков и они напали на нас. Беги быстрее в совхоз. Зови на помощь.

— Зачем бежать? Зачем звать? Будь спокойна, ничего не будет.

— Да беги же, Нургаян, беги. Я не могу. Мне дышать нечем. А в селе остались Большебородов и Куразеев. Может, их и в живых нет...

Нургаян бросил на дорогу лапти и пустился было бежать назад, но до слуха донеслись чьи-то неясные голоса и цоканье копыт.

Николай вихрем метнулся в пшеницу, прополз несколько метров, бороздя носом землю, и замер. Из-за пригорка выскочили двое верховых. Завидя Нургаяна, они погнались на лошадей галопом. Но странное дело: человек за которым они гнались, как ни в чем не бывало шел прямо на них и громко пел:

Алтын балда гында бар,
Кимеш балда гында бар...

— Стой, малай, — крикнул Мансур.

— Кая барасан? — спросил Ахмет.

— Салам алейкум! — приветствовал обоих Нургаян, невинно и простодушно улыбаясь. Он узнал братьев-земляков и на душе у него стало легче.

— Что ты натворил, стервец? — спросил Мансур. — Все село поднял на ноги.

Нургаян покачал головой.

— Ничего не творил. Да я полмесяца в деревне не был. Вот только иду.

Ахмет и Мансур переглянулись.

— А тебе никто не попадался навстречу?

— Никто. Всю дорогу никто.

Братья повернули назад, и Нургаян облегченно вздохнул, считая, что опасность миновала. И в эту самую минуту из оврага кто-то выехал верхом, за ним второй, третий, четвертый. Мелкой рысью всадники направились в сторону Нургаяна, и он еще издали узнал среди них рыжебородого Ибрагима.

Взмахом руки Ибрагим приказал остановиться и осадил лошадь.

— Где? Коммунист где? — закричал Ибрагим. — Куда побежал он? Говори быстрее!

— Я никого не видел, — нахмурился Нургаян, я иду к бабушке в гости...

— Если ты не скажешь, то я тебя отправлю к такой бабушке, у которой ты так и останешься в гостях. Говори, где! — наседали на Нургаяна, готовый свалить его под копыта.

— Не знаю. Не видел, — твердил Нургаян.

Рыжий Ибрагим соскочил с лошади.

— Тогда я тебе сам покажу. — И Ибрагим изо всей мочи рванул Нургаяна за ухо.

Громко закричав от боли, Нургаян почувствовал, как что-то теплое потекло по щеке, на шею, под ворот рубашки. Он прижал к уху ладонь, она обагрилась кровью.

— А вы, что уснули? — закричал Ибрагим на остальных, — ну-ка, Мансур, скачите дальше, не теряйте времени. — И Мансур с Ахметом послушно повернули лошадей в сторону совхоза.

— Пошарьте в пшенице и в полни, — приказал Ибрагим своим спутникам, когда братья скрылись из виду.

Надвигавшиеся сумерки становились гуще, а из-за облачка выглянул краешек месяца.

Ибрагим выхватил из-за голенища нож и потряс им перед носом Нургаяна.

— Не найдем никого — твое счастье. Найдем — на себя обижайся, ты тоже ведь совхозный выкормыш.

«Наверно, они заметили, когда я разговаривал с Николаем, — подумал Нургаян. — Потому так настойчиво и ищут». Но что такое? Ему померещилось? Пшеница

зашуршала, а из нее во весь рост поднялся Николай и бесстрашно направился к Ибрагиму.

— Отпусти мальчишку, — угрюмо сказал Николай, — он ни при чем. Спрашивай с меня, если я тебе сделал плохое.

Николай посмотрел в глаза Нургаяну, поднял руку, дескать, держись, тетка. А Нургаян, не проронивший ни слезинки даже перед ножом Ибрагима, вдруг неожиданно для самого себя, заплакал.

Ибрагим оттолкнул Нургаяна в сторону, тигром ринулся к Николаю, держа на изготовке блестящий нож. Остальные трое метнулись тоже. Они окружили его со всех сторон, на всякий случай отрезав путь.

— Это не тот, — спокойно сказал один из подручных Ибрагима.

Ибрагим засверкал глазами.

— То-от! Такой же коммунист. Они все одинаковы. Нет, бить так уж бить всех. — И, выхватив у одного из бандитов палку, наотмашь ударил Николая. Тут только Николай и успел заметить, что это был тот самый бабай, который на первом собрании аплодировал ему громче всех. Его лицо исказилось в дикой злобе.

— За что, бабай? — с упреком спросил Николай, вспомнив, как невинно отвечал тот на его вопросы.

Но бабай молчал, сурово сдвинув пучки бровей. И вдруг его словно прорвало.

— За что, говоришь? А Айтуган помнишь? Тот самый Айтуган, у который в лесу ты девка отымал. Помнишь? А где теперь Айтуган, помнишь?

Николай догадался о ком идет речь.

— Айтуган брат мой, помнить надо. Ты его за решетка прятал, а я... а я...

И вдруг Ибрагим неожиданно пинком ударил его в пах. Николай упал, корчаясь от боли, а Ибрагим про-

должал остервенело бить его пинками в то же место...
В пах... в пах... в пах...

— Русских обманул и татар хочешь? — приговаривал Ибрагим, колхоз надо? Н-на колхоз. Скотина надо? Н-на, н-на!..

От ужаса Нургаян попятился назад и ему показалось, что даже лошади ужаснулись. Они настороженно зашевелили ушами, слегка заржали и сбились в кучу, плотно прижавшись друг к другу.

18

В пылу расправы над Николаем Ибрагим и соучастники преступления на какое-то время забыли про Нургаяна. Он пятился ближе к высокому бурьяну, надеясь незаметно скрыться.

И вдруг нога Нургаяна провалилась как-будто в нору, и он полетел куда-то вниз.

Все четверо оглянулись в сторону Нургаяна и были поражены, что он провалился, как сквозь землю. Они подбежали к бурьяну и в куче старого хвороста заметили небольшое отверстие. Когда-то здесь был колодец. Верхние срубы растащили, а яму сверху забросали хворостом. Со временем про него забыли. Хворост загнил, зарос бурьяном.

Ибрагим нащупал край колодца, заглянул вниз и крикнул:

— Ма-ла-ай!..

Слова раздавались, как в бочке, у самого уха, но Нургаян не отозвался. При падении он ударился ногами во что-то твердое и почувствовал, что погружается в воду. Это была крышка колодца.

Ледяная тухлая вода обожгла тело, крышка, как мыло, выскользнула из-под ног и всплыла боком, заго-

родив Нургаяна. А когда он услышал сверху голос Ибрагима, то присел, погрузившись в воду по самый подбородок, оставаясь за крышкой неуязвимым и невидимым.

— Малай! — крикнул Ибрагим ~~и Нургаян~~ видел, как он морщится от тухлого неприятного запаха. Спершийся воздух и растревоженная гниль колодца хлынули кверху.

И вот рваный клочок неба, видимый Нургаяну, стал большим, ровным квадратом. Это рыжий, убрал весь хворост, который мешал ему разглядеть дно колодца. Вдруг да на каком из нижних срубов Нургаян все-таки зацепился?

Малай! — крикнул Ибрагим в последний раз и бросил вниз толстую палку, которой бил Николая. Палка стукнулась об крышку, отколов край отгнившей доски.

— Слава аллаху, — облегченно вздохнул Ибрагим. Только колодец надо опять забросать. Квадратный кусок неба исчез. Его отгородили от Нургаяна слоем старого хвороста. И Нургаян почувствовал себя заживо погребенным. Сумеет ли выбраться наверх? А вдруг не сумеет? Кричать? Но кому придет в голову искать в бурьяне этот древний колодец?

Нургаян осторожно поправил крышку и прижал ее ко дну. Затем встал на нее обеими ногами. Ноги не вязли и им стало немного легче. Мокрая рубашка прилипла к телу, словно его со всех сторон облепили снегом, и Нургаян, сдернув ее с себя, бросил в воду. «Без рубашки будет теплее», — решил он. Но затем нашарил ее ногами и начал отжимать воду. «Бросать нельзя. Это подарок. Эту рубашку Николай дал. Приду домой, Коля

спросит: «Где рубашка?» Я скажу: «Бросил... Нехорошо». Да ведь и в самом деле нехорошо.

Нет, никак ему не хотелось думать, что с Николаем случилось непоправимое.

Нургаян стал ощупывать вокруг себя срубы, стараясь нашарить какой-нибудь сучок или выступ.

Срубы были мокрые, обросшие грибами. И Нургаян начал сшибать их, считая, что они скользкие и помешают ему выбираться отсюда. Но потом понял, что в этой тьме грибы для него — компас. Всякий раз, как пальцы натыкались на грибы, в этом месте всегда была щель, за которую можно зацепиться.

В одном месте щель между срубамй оказалась такой широкой, что Нургаян сунул в нее руку по самое плечо. Сунул и не почувствовал земли. Видимо, земля в этом месте осела, осыпалась и образовала пустоту. Он надавил сруб плечом и он подался. Нургаян надавил на него сильнее и концы прогнившего венца пошми в разные стороны.

Когда Нургаян ощутил под ногами твердую землю и хватил первый глоток чистого воздуха, голова его закружилась, ноги подкосились, и он повалился на траву, опьянев от чистого воздуха и прохлады...

Очнулся он от легкого ветерка. Он словно отрезвил его, дал опомниться, и Нургаян подумал о Николае: «Где он? Жив ли?». Нургаян прислушался. Тишина. Но кто это стоит в пшенице? Нургаян пригляделся. Это был ошетилившийся куст татарника и от него веяло зловещим, как от Ибрагима.

Нургаян пригляделся еще и увидел на дороге что-то темное. Николай.

— Коля! — негромко окликнул Нургаян, — тезка Коля...

Никто не отозвался. Он подполз ближе, нащупал руку Николая. Она была холодной. Он прижался ухом к груди. Никаких признаков жизни. Рывком Нургаян поднялся и побежал во всю свою мальчишескую прыть.

20

Николай Иванович вернулся из конторы поздно.

Жена и дочь спали. Он бесшумно прошел по половику на кухню.

Но есть что-то не хотелось. Николай Иванович выпил кружку молока и, сбросив кожаную куртку, начал снимать сапоги. Сапог не снимался. Ноги за день так отекали, что он всякий раз разувался с большим трудом.

У двора слышались шаги, и Николай Иванович вздрогнул от резкого стука в окошко.

— Кто там?

— Это я, Николай Иванович, Куразеев.

— Что тебе в самую полночь приспичило, — распахнул Николай Иванович окошко.

— Беда, Николай Иванович. Мы ведь с Уткиным в Мордово-Озеро ходили...

— Знаю, ну и что?

— Татары бунт подняли и напали на нас. Я еле улизнул, а Уткин с Большебородовым там остались...

— Погоди, погоди. Я сейчас оденусь и выйду.

Весть Куразеева встревожила Николая Ивановича не на шутку. Он торопливо набросил куртку, на ходу сунул в карман наган и выбежал ко двору.

— Рассказывай, — подошел он к Куразееву.

— Ну мы ходили по домам, переписывали скот. Собрались было уходить, но вдруг набежала толпа. Шум. Гам. Крики. Я слышу как Большебородов выстрелил и крикнул: «Бегите!» Ну я юркнул в сарай, спрятался в

сено и стал выжидать. Они, наверно, не сразу догадались, что нас было трое.

Когда толпа повалила к сельсовету, я пробрался в огород и вдоль плетней выбежал из села. Добежал до пшеницы и пополз. Но, видно, сбился с пути и уполз совершенно в противоположную сторону. Наверно, несколько верст крюку дал.

— Когда же это случилось?

— Часа три назад.

— Тогда, действительно, беда... Ну вот что. Шума не подымай. Давай иди в барак и подними ребят.

Куразеев метнулся к бараку.

— Только не всех. Чехлова, Караева, Грицкова. Остальных на твое усмотрение. Девок не тревожь. А то еще нюни распустят. Это народ такой...

Николай Иванович быстро зашагал в контору и с ходу бросился к телефону. Он долго крутил ручку аппарата, стараясь дозвониться до милиции.

21

В кабинет директора явился человек двенадцать. Все комсомольцы.

И в это время, широко распахнув дверь, ввалился через порог запыхавшийся Нургаян. Кого-кого, а уж его-то никто не ожидал увидеть. Грязный, перепачканный глиной с ног до головы, в чем родила мать родная, он еще с порога закричал:

— Где Николай Иваныч!?

Он обвел присутствующих взглядом и сказал:

— Уткина убили!..

Нургаян подбежал к Николаю Ивановичу и сбивчиво начал рассказывать:

— Я сам видал... я все видал... Ибрагим убивал...

Я в тухлый колодец падал... Меня колодец спасал от Ибрагима...

Послышались голоса:

— Надо народ поднять!

— И всем совхозом в село идти.

— Куда в такую темень?

— Милицию вызвать!..

В открытую дверь вбежал в контору босый Большебородов с зажатым в кулаке наганом.

— Где Колька? — сразу спросил он.

Все молчали.

— Неужели его все еще не было!? — удивился Большебородов и только тут сообразил, что наган следует убрать в кобуру.

— Нет и не будет больше, — ответил за всех Николай Иванович.

— Как? Я знаю, что ему удалось убежать.

— Они убили его, — сказал директор, — впрочем, лучше ты расскажи, что там случилось?

— ...Когда я остался один, — рассказывал Большебородов, — то залез в подпол и решил, что буду стрелять, если кто полезет. Но никто не полез. Они знали, что у меня оружие. Кто-то предложил зажечь дом, но его одернули, дескать, кругом сушь такая, все село погореть может. Ну все погалдели-пошумели и начали расходиться. Однако одного старикашку оставили меня караулить. Он закрыл дверцу подпола на вертушок, а сам вскоре захрапел. Тогда я снял сапоги, щепочкой открыл вертушок и тут же взвел курок. Я уже был готов разрядить барабан в любого, кто станет на пути. Но, к счастью, все обошлось удачно...

Николай Иванович велел всем расходиться спать.

— Только прошу, ребята, собраться у конторы пораньше. Наверно, поедем в Мордово-Озеро...

Малая Кандала. Притихло село. Разомлело на солнце. На улицах ни души — все в поле. Даже детворы не видать. Мальчишки постарше, погонщиками работают, девочки колоски подгребают, ребятишек нянчат.

Всем дело есть. В селе только сопливые сорванцы. Да и тех на улице не встретишь. Целыми днями торчат на речке. Тихая, неглубокая. Да разве в глубине дело. Зато вода чистая, как слеза, холодная. Там и тут родники бьют. Вот эта речка и разрезала село пополам.

Приволье. И водопой рядом, и для женщин благодать. По обеим берегам мосточки. Иной раз придут бабы белье полоскать, так по всей речке только стукоток идет, вальками бьют. И новости здесь, и сплетни здесь. Все сюда несут, все отсюда унесут.

— Слыхали? — кричит баба на другой берег. — Кольку Уткина убили.

— Убили?

— Да ты что, Христос с тобой!

— Яшка Абросимов говорил.

— Да я Кольку дня два назад видела.

— Говорю, Яшка сказывал. Он с Колькой-то в совхозе работает. Трактористом.

— А что случилось-то?

— Под трактор, слышь, попал. В Мелекесс увезли, в больницу.

— А, баешь, убили?

— Да вить хто-нибудь по злобе толкнул. Не сам же. А трактор-то не телега. Под телегу попадешь — изувечит. А тут, чай, размолотило всего.

А по всему берегу ребятня без штанов бегаёт. Визг, смех, крики... Вроде и не прислушивался никто, а услышали.

— Дядю Колю убили.

— Какого?

— Уткина...

И понесло.

Бабы новость эту еще на речке полощут. А ребятишки ее по всему селу из конца в конец разнесли.

От них и узнала эту страшную весть жена Николая— Груня.

Дом их на отшибе стоял, у колодца. Вот Груня и пошла за водой. Набрала ведра, а ребятишки навстречу.

— Тетя Груша, дядю Колю вашего убили.

— Да вы что мелете?! — всполошилась Груня.

— Да, да, — загалдели девчонки.

— Дядя Яша Абросимов говорил.

Поставила Груня ведра, а коромысло, растерявшись, в руках держит. И огородами, напрямик — к Якову.

Дом у Абросимовых новый, коридор длинный. Идет Груня по коридору тихо, будто крадется, боится правду узнать.

Остановилась. дух перевести. А дверь в избу приоткрыта — голос Якова доносится. Что-то домашним своим рассказывает.

— И кто убил? — спрашивает отец.

— Известно кто — кулачье. Колька-то ведь, сами знаете, какой партейный. Скотину, слышь, отбирал.

— А Груня знает об этом?

— Нет, Прасковье, сестре, я сказал...

Прислонилась Груня к косяку, с места сойти не может. Упало коромысло из рук, на весь коридор загремело.

Выбежал Федор, увидел Груню, растерялся.

— Ты чего тут?

— Правда, что ли, убили Николая?

— Кто тебе сказал?

— Да ты сейчас говорил. Я все слышала...

Смотрит Яков по сторонам, не знает куда глаза деть. Жалко ему Груню и говорить боязно.

— Ну это я так сказал. Предположительно. Увезли его в Мелекесс, в больницу. Может, еще спасут.

Чует Груня — неправду говорит Яков. И самой обмануться хочется. «В больницу, говорит, увезли. Не повезут же в больницу мертвого».

Вышла Груня и про коромысло забыла. А Яков с крыльца кричит:

— Ты давай к председателю иди, спроси лошадей и дуй прямо в город.

Идет Груня по улице, а навстречу друзья Николая — Санька Савинов и Павлушка Рохлин.

— А мы тебя ищем.

— Собирайся в Мелекесс. Лошадь мы уже давно запрягли...

В Мелекесс приехали рано утром. Около больничной изгороди подводы стоят. На телеге кто-то охает. На других телегах тоже стонут.

С громким ревом грузовик подошел. Народу полон кузов. За ним еще грузовик. Тоже с народом. Выпрыгнули из машины люди, борт открыли и гроб снимают.

— Кто умер-то? — спрашивает мужик.

— За Уткиным приехали.

Потемнело в глазах у Груни, закружилась земля. Ухватила она за рукав Пашеньки, еле на ногах устояла. Плачет Пашенька. Плачет ее сестра Настя. А у Груни вроде и слез нет. Смотрит она на всех и ей все не верится. Не может быть, что Коли в живых нет.

Присела Груня около изгороди. Зажмурилась. А рядом голоса раздаются. О чем говорят, ни одного слова не разобрать.

А шофер из кабины кричит.

— Ну кто здесь в совхоз? Полежай в машину!

— Пойдем, Груня, — подошла Пашенька, — с ними и уедем.

Поднялась Груня, как во сне. Когда села, как ехали — ничего не помнит. Владленка всю дорогу плакала — не слышала. Опомнилась только, когда услышала голос Пашеньки:

— Вот и совхоз. Слезай, приехали.

23

Прощался с Николаем весь совхоз.

Народ съехался со всех отделений и шел в контору непрерывным потоком.

Из города прибыли представители райкома. Приехали комсомольцы из окрестных сел.

Вместе с матерью пришла в совхоз Гюзель, та самая девушка, которую Николай спас от позора.

С приспущенным знаменем у конторы выстроились тракторы и машины.

Последний свой путь совершал Николай на руках товарищей по работе. А за ними длинной траурной лентой медленно тянулись машины совхоза.

За рулем трактора Николая Уткина сидел повзрослевший Нургаян. Он очень просил Николая Ивановича разрешить ему это, уверяя, что он «все знает и что ему не раз приходилось подменять друга». И Николай Иванович разрешил. Разрешил, а сам потихоньку послал к нему Караева и велел неотлучно находиться рядом. А то, мол, вдруг...

Но никакого «вдруг» не произошло. Нургаян вел трактор легко, уверенно. И в эти минуты в его взгляде выражалась не только печаль и горе, но гордость и достоинство человека, хозяина земли, ее пахаря. От этой

радости у него захватывало дух, хотя глаза застилала слезы.

Ах, как ему хотелось, чтобы сейчас попался на пути Ибрагим! И непременно со всей бандой. И непременно со скрученными назад руками.

Ах, как бы позеленел он от злости, увидя Нургаяна целым и невредимым. Как бы затряс своей козлиной бородкой, дивясь, что Нургаян едет на тракторе.

И воображение Нургаяна отчетливо нарисовало такую картину.

Вот в сопровождении конвойных-милиционеров ведут Ибрагима и его молодчиков по дороге в совхоз. А на встречу им процессия, море народа, цветы, венки...

— Видать, большого начальника хоронят, — говорит Ибрагим вслух.

— А того самого, кого ты в степи убил!

Ибрагим опускает голову.

— А ты не прячь зенки! — стучает его милиционер в подбородок, — ты гляди прямо. Видишь вон этот трактор?

Ибрагим молчит.

— Ты не молчи, гад! Говори, видишь?! — сердится милиционер.

— Вижу, — буркнул рыжий.

— Это трактор Николая Уткина. А ты знаешь, кто за рулем сидит? Нургаян!

— Какой Нургаян? Не знаю такого... — пожимает плечами Ибрагим.

— Ну, как не знаешь. Это тот самый малай, которого ты в колодце зарыл. Вспомнил?

А Нургаян поднимает руку, останавливает процессию, важно глушит мотор и не спеша направляется к Ибрагиму.

— Узнаешь, Ибрагим абы? Это я, Нургаян. И руки целы. И башка цела. Ты меня на тот свет отправил, а мне скучно там стало и я опять пришел. Я ведь еще на этом свете не жил. Ты у меня свет отнимал, а надо мной вон какое солнце. Вон какое небо. Разве его гнилым мусором загородишь? Ты Николая убил, а погляди-ка сколько нас. Сила! Всех не перебьешь. В колодец не посуешь. Я с глазами был. И слепой был. Как котенок был. А кто мне глаза открыл? Тезка. Кто научил видеть? Коля. Кто мне помог, когда я в колодце дрожал? Ибрагим? Нет, Ибрагим меня темнотой завалил. Сиди, Нургаян. В темноте сиди. Тони, Нургаян. Сдыхай, Нургаян. Не жалко. А Коля сам закрыл глаза, а мне опять открыл. И я увидел. Звезду увидел. В темноте увидел. Ты меня звал, а руку не подал. А Коля мне крылья дал. Крылья!..

Гляди, Ибрагим. Дрожи, Ибрагим. Ты думал без Коли и трактор умрет? Ржаветь будет? Железкой будет? Нет, Ибрагим, не будет. Зачем тогда на земле Нургаян? Зачем у него голова и руки?...

— Да останавливай, останавливай! — вполголоса произнес Караев, тыча Нургаяна в бок и сам надавил на рычаг тормоза...

24

...Возвращались домой группами. Говорили негромко и во всех разговорах незримо присутствовал Уткин. Нет, люди не оставили его одного. Они унесли его с собой. Унесли в сердце. Унесли навсегда.

Большебородов рассказывал как его окружила толпа и на него посыпался град ударов. Голова и лицо его были в багровых синяках, а возле глаза светился пластырь.

Рассказал Большебородов и об аресте Ибрагима.

А сестра Николая — Пашенька, вытирая опухшие от слез глаза, теребила концы косынки и медленно, нараспев говорила:

— Как мы не пускали его на эти трактора: «Не учишься на них». Не послушал. Спит и видит трактор... — и глаза Пашеньки потянулись к уголку косынки. — Недавно приезжал на выходной и говорит, что осенью всех заберет в совхоз. А Груне сказал, чтобы она ему белье собрала. Жнитво, говорит, началось и я, говорит, теперь долго не приеду... И, как в воду глядел. Как по духу чуял. — И Пашенька всхлипнула снова. — Только мы проводили его, слышим: Николай умер. Как, говорим, умер? Он только что уехал от нас. Умер, говорят, и все. Ну, думаем, наверно, попал под трактор...

Рядом с Пашенькой задумчиво шагал Грицков Федот. Он силился вспомнить что-нибудь из слов Николая и ничего не мог вспомнить, хотя они и на курсах учились вместе и работали вместе, и чуть не из одной чашки пили-ели. Вечно они оба суетились. То работа, то собрание, то еще чего. Так толком-то и не поговорили.

И Федот думал: «Живет на земле человек. Рядом со всеми работает. Разговаривает. Смеется. И к нему привыкают, что он есть, и не замечают. И вдруг — нет человека. И его увидели, все увидели. Смотрят рядом, а место не заполнено. Значит, это он тут был».

Федот остановился, оглянулся назад и вздрогнул. Прямо на него смотрела с памятника звезда Николая.

Как в эту минуту Федоту хотелось подойти к Пашеньке, найти самые утешительные слова.

Федот неловко подошел к Пашеньке.

— Мы ведь, Паша; с Николаем с одной чашки... — Федот поперхнулся, откашлялся и, не закончив начатой мысли, добавил: — В общем, в беде мы вас не оста-

вим, поможем. Вчера мы решили отработать один день в пользу семьи Николая.

25

Принесли газеты — и сразу пошли они по рукам, на-
расхват.

«Волжская коммуна», «Пролетарский путь», «Власть труда», «Средне-волжский комсомолец» — все газеты сообщали о зверском убийстве Николая Уткина, рассказывали о митингах трудящихся, о широкой волне народного протеста и возмущения.

На всех отделениях совхоза снова и снова проходили митинги. Обсуждалось только что полученное из крайкома воззвание.

**Ко всем рабочим, работникам, служащим и специалистам совхозов
Средней Волги**

Товарищи рабочие, работницы, служащие и специалисты!

В селе Мордово-Озеро Мелекесского района группой кулаков зверски растерзан рабочий — тракторист зерносовхоза имени Крупской, член ВКП(б) тов. Уткин...

Этот факт лишний раз свидетельствует о необходимости ни на одну секунду не ослаблять классовую бдительность, со всей энергией разоблачать контрреволюционную агитацию кулаков и решительно продолжать социалистическое наступление на капиталистические элементы деревни!

Товарищи! Краевой комитет призывает вас в память тракториста тов. Уткина развернуть широкую волну соцсоревнования. Ни одного тракториста вне рядов соревнующихся! Создадим сотни новых ударных бригад имени тов. Уткина! Ответим на выступление классового врага успешным проведением уборочной. Потребуем от пролетарского суда применения высшей меры наказания к убийцам тов. Уткина!

Президиум краевого комитета союза рабочих
и земледельческих совхозов.

После митинга на центральной усадьбе молодежь совхоза организовала встречу с женой Николая Уткина.

Груня растерялась от такого приглашения. Ее попросили рассказать о Николае, чья жизнь вызывала сейчас у всех огромный интерес. А что она скажет? Да и никогда она не выступала.

И вот Груня сидит в окружении совхозных девчат и парней.

— Ну что мне рассказывать? — смущенно начала Груня. — Как мы жили? Хорошо жили, да мало. Какой он был человек? Об этом вы лучше меня знаете. Одно скажу: непоседа он был, всегда впереди шел. «Новая жизнь... Социализм... Ленин» — эти слова у него с языка не сходили. Вот Коля от кулаков погиб. А ведь от кулаков ему и в Кандале житья не было. И записки подбрасывали. И в глаза грозили. А один раз даже подожгли...

Груня замолчала, припоминая что-то, а со всех сторон раздались голоса:

— Как это было?

— Да как было. Пришел он как-то поздно, лег спать, а я что-то засиделась. Вдруг под окошком как вспыхнет!.. Я подбежала к Коле, бужу его и никак его имени не вспомню. Забыла. Ну Николай вскочил, бросился в сени, а дверь снаружи заперта. Ну тогда он вышиб раму, схватил меня за руку и мы через пламя в окно выпрыгнули. Оказывается, кто-то обложил нашу избу соломой и поджег...

Я, конечно, плачу. Давай, говорю, уедем. Или один сперва уезжай. А он пять шутит: «Чудная ты, Груня. От врагов разве уедешь? Они везде есть, только адрес разный»... Вот и вправду не уехал...

Груня опять замолчала, вытерла глаза кончиком платка и, вздохнув, продолжала.

— А сколько мне про него всяких пакостей говорили: бывало, у него то собрание, то спектакль. Так после этого бабы мне все уши прожужжат. «Твой-то комсомол вчерась с Клавкой целовался. Прямо на сцене, бестыдник». А Коля никогда не велел сплетни слушать. «Запомни, говорит, Груня, одно: кроме тебя, мне никого в свете не надо»...

Девушки и ребята горячо благодарили Груню за рассказ, а Караев Саня подошел к столу и поднял руку. Все затихли.

— Ребята, вот какое дело. Коля Уткин многим займам денег давал. Так я прошу всех, кто ему должен, передать деньги мне.

К столу подходили девушки и парни и складывали приготовленные уже трешницы и пятирублевки. Смотрит Груня на стопку денег, которая все растет, и думает: «Неужели столько ему должны? Может, это ребята помочь мне решили?».

Лена постелила платок, а Саня Караев, не считая, завернул в него деньги и подошел к Груне.

— Получи, Груня, первый наш долг Николаю. — Он повернулся ко всем. — А главный наш долг, ребята, пока еще не оплачен. Раздавить кулака — это и есть главный долг перед Колей Уткиным. И мы клянемся, что заплатим этот долг сполна!

26

Ночью был сильный продолжительный дождь. Он весело барабанил в крыши бараков, задорно выплясывал дробь на каждом крылечке, настойчиво стучался в почерневшие окна, словно хотел разбудить земледельцев совхоза.

А они и так не спали. Едва по крыше застучали пер-

вые капли, как из уст в уста покатилося радостное и драгоценное для хлебороба слово: «дождь».

Сначала каждый повторял его шепотом — не ослышался ли, не почудилось ли во сне, затем громко восклицал: «Дождь!» — и, вскочив с постели, распахивал настежь окна.

— А ведь и в самом деле дождь!

Вскакивали с постелей все от мала до велика, по долгу толпились у раскрытых окон.

— Дождь!

— Ну и дождичек!

— Вот так дождь!

Но в этих коротких, похожих друг на друга восклицаниях была радость, понятная, может быть, только одному хлеборобу. В эти минуты и взрослым по-мальчишечьи хотелось крикнуть на весь совхоз: «Люди! Да что вы дрхните? Дождь идет! Вы слышите, — дождь!»

Радовалась вместе с пахарями и сама земля-матушка, пересохшая от жажды, сплошь испещренная глубокими морщинами. Изветренными трещинами она жадно вбирала в себя живительную влагу и, казалось, не уставала повторять свое: «пить, пить!...».

Первыми проснулись в бараке девчата. Они вполголоса о чем-то шушукались, хихикали и визжали, потом дружно, видимо, по чьей-то команде, забарабанили по стене, подражая шуму дождя. Но за стеной, где спали трактористы, была невозмутимая тишина.

— Эй, сони, — вслух сказала Надя, — проспите дождик-то!

— Вы хоть бы губы отмыли в луже, а то целоваться не разрешим, — шутили девчата.

Но за стеной по-прежнему было тихо-тихо, доносилось только равномерное тиканье настенных ходиков.

А ребята уже были за баракom. Пока девчата галде-

ли, поднявшийся раньше всех Санька Караев обошел койки и тихонько давал команду:

— По-ды-майсь!

Все вскочили с постелей, думая, что-то случилось.

— А ну, быстро снимайте с себя все на свете и бегом на улицу. Смотрите дождь какой — бани не надо!

Стосковавшиеся по мытью ребята мигом снимали белье и, поеживаясь, выскользнули за дверь.

Несмотря на полночь, в воздухе по-прежнему было душно, и дождик лил теплый, как парное молоко.

С каким наслаждением ребята терли себя мочалками, смывая вьевшуюся в поры грязь с почти месячным стажем...

— Да они вымерли, что ли? — усмехнулась Надя.

Но за стеной скрипнула дверь и раздался дружный топот босых пяток.

— Шагом марш под одеяло! — донеслась до девчат шутливая команда Саньки. — А то, не дай бог, девки увидят.

— Вот смеху будет, — хихикнул кто-то.

— Какой смех! — возразил Нургаян. Ему нездоровилось и из всех ребят барака только один он остался на кровати. — Девка придет, разве смех? Девка придет — кадрили играем. Как русалы.

За стеной захохотали девчата.

— Вы что, полуночницы, зубоскалите? — стукнул в стену Караев.

— Да сами над собой тешимся, — слышался озорной ответ, — собрались было в луже поплавать, да вы уже опередили.

— Ну и валяйте по нашему следу.

— Что вы, что вы! После вас только поросят купать.

Девчата настойчиво поддразнивали ребят остротами. Но в долгу не оставались и парни.

— А вы, девчата, дуйте на третье отделение. Там, говорят, лужа, как ванная.

— Спасибо, Саня, за совет.

Румяное солнце нехотя вставало из-за увалов и поглядывало по сторонам — все ли спят. Но, услышав говор людей, выкатилось целиком и застыло неподвижно, словно в изумлении.

27

У крыльца конторы стояли механик Жуков и тракторист Караев. Оба они куда-то пристально вглядывались, приложив козырьком ладони.

— Что за наблюдатели? — улыбнулся Николай Иванович, пожимая руки.

— Вон кто-то сюда верхом скачет.

— Да не один, вроде, четверо, — добавил Жуков.

— Пятеро! — разглядел остроглазый Караев.

На взмыленных лошадях к конторе подскакали верховые. Четверо из них были в характерных для татар валяных шляпах с высоким верхом. На голове пятого поблескивала четырехугольная, расшитая узорами, тюбетейка.

— Здравствуй живем! — поклонился старший из них, с черной, клинообразной бородкой, и спрыгнул на землю. Его примеру последовали и остальные.

— Вам кого, товарищи? — спросил Николай Иванович.

— Нам народ надо, — заговорил опять старший. — На наше село большой позор лежит. Народ посылал нас прощенья извинять. Народ не виноват. Ибрагим виноват. Ибрагим народ пугал. ГПУ пугал. Народ шумел, кричал, никого не трогал...

И все сразу догадались, откуда эта представительная делегация.

— Ну, ладно, папаша, ладно, — заметил Николай Иванович, — скоро без нас разберутся кто пугал, кто трогал. Сейчас-то вы зачем приехали?

Чернобородый вынул из-под шляпы какой-то листочек и подал его Николаю Ивановичу.

— Тут списка, начальник. У нас в селе собираенье был. Разговор был. Народ просил шибко-много наказать Ибрагим. И теперь полсела в колхоз идет. Миколай про колхоз хорошо калякал. Зря хорошо.

Николай Иванович бросил взгляд в сторону кладбищ и глаза заволокло пеленой тумана.

— А это вот народ помощь собирал, — взял старший из рук товарища узелок. — Просим передавать для семьи Миколая...

— Это уж вы и сами сделаете. Вот его жена, — показал Николай Иванович на смутившуюся Груню.

И тут все пятеро, как по команде, направились к Груне, встали на колени и поклонились.

— Э, э, э! — закричал Жуков; — вы что, иль в мечеть пришли?..

Но Николай Иванович остановил его.

— Не надо, не мешай. Им тоже не легко, понимать надо. Это ведь в их лице все село перед Груней стоит.

Гости поднялись, раскланялись во все стороны и, попрощавшись, вскочили на лошадей.

К вечеру у Нургаяна разболелась голова. Глаза слезились, по телу пробегал озноб и он, не раздеваясь, лег в постель, поминутно шмыгая носом. Проведенная в колыдце ночь не прошла для него бесследно.

Всю ночь Нургаяна бросало то в жар, то в холод. Всю ночь ему грезились тяжелые кошмары. То его топили в колодце, то раздирали на части волки, то Ибрагим молотил его, как цепом, дубинкой. Он кричал, вскакивал и просыпался.

Успокоился он лишь под утро.

...И снится ему морозный зимний полдень. Дует резкий, северный ветер, метет поземка, а мороз градусов под тридцать.

Идет он по степной дороге в село. За спиной пустая котомка подпрыгивает, а ветер со всех сторон так и бьет, так и хлещет, так и валит с ног. Ни деревца кругом, ни кусточка. Ни укрыться ему, ни спрятаться. А кругом степь. Да такая огромная, что ему показалось: хоть весь год иди и она не кончится.

— У-у-у! — завывала метель. Страшно завывала. Жутко. Убежать бы от нее, да ноги не двигаются. Лапти смерзлись и их не поднимешь, как тяжелые колодки. Но к ужасу своему он замечает, что идет по снегу не в лаптях, а босиком. Он смотрит туда-сюда: где же лапти? Куда они исчезли? Ах, да! Ведь их у него еще в школе украли.

— У-у-у! — раздалось снова да так протяжно, что душа у него в пятки ушла. Что это? Опять метель? А, может, и не метель вовсе? Может, это волки завывают. Лечь, что ли у дороги и сжаться в комок. И теплей будет, и волк не заметит. Вот так. Свернусь клубочком, по-кошачьи...

Но что такое? Кто-то фыркает, приближается. Большой, как медведь. Точно медведь. Такой же грузный и неуклюжий... Вот поднимается на задние лапы и направляется к нему...

— Уснул, Нургаян? — трясет его медведь за плечо. — Вставай. А то уснешь и не проснешься.

Смотрит Нургаян на него, дрожит от страха и думает: «Медведь, а меня знает».

— Конечно, знаю, — услышал Нургаян. — Я уж не первого в совхоз привожу.

И медведь засмеялся. Откинул воротник и превратился в Николая Ивановича.

— Не пугайся, Нургаян. Давай залезай под мою шубу и поедem. Хватит тебе с котомкой ходить. Надо за дело браться.

Трусит по дороге лошадь. А ветер за ней. Не отстает. Метель тоже пустилась следом. Из себя выходит. Злится на чем свет стоит. Проклинает Николая Ивановича, что мальчишку пригрел. У мороза да вьюги только и забавы было над парнишкой тешиться да лохмотьями его трясти. Попробовали они в тулуп забраться — ничего не вышло...

Очнулся Нургаян и смутно чувствует: кто-то укрывает его и бормочет:

— Ну, браток, ты и спишь нынче, — шептал Карев, — не спишь, а в футбол играешь. До порога одеяло упинал.

Нургаян закрыл глаза и снова сон перелистнул страничку.

И вот уже перед ним большое поле. Солнце повисло прямо над головой. Жарища. Сушь. Облака будто расплавились от зноя и на всем небосводе хоть бы на смех одно-единственное облачко.

Нургаяну хочется пить. У него пересохло горло. Его клонит дремота.

— Эй, тетка, уснул? — кричит Николай и смеется. — Ая-яй, тетка. Держался, держался молодцом и на последнем круге, на вот тебе, подкачал.

— Эх, и в самом деле, — думает Нургаян, — минута бежала последний круг. Еще бы немножко и Ибрагим

уехал. Николай так и остался бы лежать в пшенице. А я не помог. Подкачал. На последнем круге подкачал. А Коля идет к Нургаяну и говорит:

— Читай. Это вот буква «А», а это — «У».

— А-у... — тянет Нургаян. — Кто-то кричит. В лесу кричит. Дорогу не найдет, вот и кричит. А, может, волка увидал, кричит, — поясняет Нургаян и про себя думает: «Это я заблудился. А-у! — это я кричал. В степи заблудился. В жизни заблудился. Много кричал. Громко кричал. Никто не слышал. А Николай Иванович услышал. В тепло привез и сказал: «Выводи его, Уткин, на дорогу. Выводи, чтобы он не блуждал по свету, как в лесу».

...И Коля ведет его. Ведет лесом. Нет, это не лес. Это книги. Много книг. Вверху книги, внизу книги. Кругом книги. Большие и маленькие, толстые и тонкие. Одни блестят серебром, другие — золотом. Лес! Книжный лес! А-ууу!..

— Ну, что ты, что ты, Нургаян? Что кричишь? Девчонок-то за стеной всех разбудил... — тряс Караев за плечо. — Очнись!

— Пи-ить! — простонал Нургаян. — Караев поднес ему кружку, и Нургаян жадно ухватился за нее руками.

Жар спадал. Нургаян дышал ровнее, но стоило ему положить голову на подушку, как он сразу оказался в родном селе Мордово-Озере.

— Смотрите, глядите! — кричат ребяташки, — это же Нургаян!

— Да на самом первом тракторе.

Нургаян крепко ухватился за руль, а народ бежит за трактором и кричит:

— В поле, Нургаян! В поле!

Вдруг откуда ни возьмись — Ибрагим. Он встал в борозду и загородил дорогу руками.

— Ибрагим, уйди с дороги! — кричит Нургаян.

— Не уйду-у! — завыл Ибрагим волком.

Он хочет остановить трактор, но падает в борозду и его заваливает тяжелыми пластами чернозема. А трактор идет. Ровно идет. Ничего ему теперь не мешает. Никто не стоит на его пути. Лишь впереди бегут мужики, в ярких, цветастых тубетейках. Смотрят на Нургаяна и улыбаются. Словно они только и ждали, когда Ибрагим исчезнет под лемехами. Все мужики выстроились в ряд, каждый напротив своего клина и наперебой кричат:

— Нургаян! Распаши мою межу!

— И мою!

— И мою!..

И Нургаян на большой скорости врывается в их межи. Он вспарывает лемехами эти вековые грани, что отделяли людей друг от друга, и едет, едет бороздой жизни.

У последней межи стоит его бабушка. Она вытирает платком слезы и просит Нургаяна:

— А мою землю не трогай, внучек. Я всю жизнь на ней. Каждый комок пальцами разминала. Пусть она, Нургаян, останется. Колхоз и без моей земли обойдется.

— Ты что, бабушка! Разве можно так? — испугался Нургаян. — Никак тебе одной нельзя оставаться. Одна ты пропадешь! Надо вместе со всеми идти.

— Ну, алах с ней, с межой, — махнула рукой бабушка. — Распахивай!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В прошлом году в Мелекесской районной газете «Знамя труда» были опубликованы несколько глав этой повести.

Редакция получила множество писем от старожилов совхоза, от учащихся и учителей Куйбышевской, Ульяновской и Костромской областей, а библиотека совхоза имени Крупской организовала даже читательскую конференцию...

Встречи со старожилами совхоза, письма — все это, разумеется, дало дополнительный материал.

А в одном из писем сестра Николая Уткина — Праксovia Яковлевна — сообщила мне о том, что в г. Тольятти живет жена Николая.

По правде сказать, я не так-то уж много возлагал надежд на эту встречу. Как никак со дня гибели Уткина прошло 37 лет, и время выветрило из памяти многие факты и подробности.

Но утешало другое: Агриппина Яковлевна — жена Уткина. Кто, кто, а уж она-то должна помнить больше, чем кто-либо. Может, у нее уцелели какие письма, фотографии.

Агриппина Яковлевна была удивлена появлению неожиданного гостя.

Мы сидим в двухкомнатной квартире нового дома, который так и хочется назвать чудесным. И потому, что он новый и удобный, и потому, что весь нижний этаж занимает ателье «Чудесница». В окна хлещет яркое апрельское солнце, а рядом воркует с игрушками тоже чудесная девочка Иринка.

— Поженились мы с ним в двадцать девятом году, в Малой Кандале. Оба росли в сиротстве, у обоих, как говорится, ни кола, ни двора, — рассказывает Агриппина Яковлевна. — Ну да Николай об этом не горевал. Был у нас небольшой домишко в два окна, а в дому шаром покати. Даже посуды не хватало. Бывало, начну тужить: «Ну и жители мы с тобой, Коля. Все отличие от нищих — собирать не ходим». А Николай все шутит. «Ничего, говорит. Так-то спокойней. Не украдут. Живы будем — наживем. А пока саму жизнь переделывать надо».

А я была темной, как и многие деревенские бабы. Ничего не понимала. «Как это, думаю, переделывать жизнь? И кто ее будет переделывать? Вот и царя скинули, а люди все равно живут розно. У кого еще лошади — живут. А у кого три-пять лошадок, так те совсем богачи. Земли много. Батраков держут. И живут. Припеваючи живут. Так зачем им жизнь переделывать? Они-то на жизнь не обижаются».

Стану говорить Николаю такие мысли, а он только смеется: «Чудная ты, Груня. Ведь и царь не собирался с престола уходить, а турнули. То же самое и с кулаками будет». С какими, говорю, кулаками? А он опять смеется: «Эх, ты! Рядом с кулаком живешь и кулака не знаешь. Ну вот Кореев, например, Разве он не кулак? Кулак. Полсела в кулаке зажал. Полсела на него батрачит.

Вот мы и ударим по кулаку. Да так, чтобы пальцы разжались...».

Толкует он мне об этом, а мне страшно делается. В селе активистов много было. То того, глядишь, подожгут, то другого. А одного даже убили и в речку сунули. А Коля комсомольцем был. Секретарь ячейки. Днем работает, а вечером, допоздна то в клубе, то в сельсовете. То с партейцами по дворам ходит, богачей раскулачивает.

Как-то поздно вечером он пришел не в духе. Молчит. Я поняла: что-то случилось, но не спрашиваю.

— Долгова сейчас раскулачили, — наконец заговорил Николай.

— Это крестного-то?

— Хороший крестный. Если бы вовремя не увернулся, он бы меня окрестил...

— Да ты что?!

— С топором налетел, как зверь зарычал: «На своих идешь, комсомол голодраный!...».

— Что ж теперь будет? — заохала я.

— А ничего. Имущество описали... Кореева, «благодетеля» моего, тоже раскулачили...

Иринка забралась на диван к бабушке и уставилась на меня. Затем перебралась на мои колени и молчком вынула из кармана карандаш и авторучку. И я стал забавляться с этой славной девочкой.

— Вот и Николай у меня больно уж любил ребятшек, — с улыбкой заговорила Агриппина Яковлевна. — Сам-то он с девяти лет сиротой рос. Не видел ласки. И когда у нас родилась дочка, так он прямо с поля прибежал. «Владленкой, говорит, назовем». «Да что это, говорю за имя? Не русское, что ли? Давай назовем Шурой». А он свое: «Нет, Владленкой назовем. В честь Владимира Ильича Ленина». Так и назвали — Владленой.

А уж когда дочке шесть месяцев исполнилось, — продолжала хозяйка, — Коля на курсах был. И вдруг в самую полночь является. Мокреющий. А как раз конец марта. Все дороги порушились. А он пешком до самой Кандалы! «Да ты что, говорю, Коля, в такую непогодь? Подсохло бы маленько и пришел». А он такой довольный, глаза горят. «Нельзя, Груня, откладывать. Нынче юбилей. Владленке полгода стукнуло». А я и сама-то была об этом. А Коля разбудил дочку и сует ей куколку. Глиняную. Смеюсь я над ним, а сама довольна-довольна. После этого я его только раз и видела. Шестого июня приезжал он за бельем. А через два дня его убили...

На этом наш разговор и закончился.

Провожая меня, Агриппина Яковлевна со вздохом сказала:

— Все мечтаю в совхоз съездить, поглядеть, какой стал. Поди, и не узнаю. И в Мордово-Озеро бы заглянуть. Что там сейчас за колхоз? Как живут люди? Довольны ли? Ну и на то место, где Колю убили, поглядеть хочется... Только вряд ли придется..

* * *

И вдруг...

8-го мая 1968 года из совхоза к нам в редакцию позвонили:

— Просим завтра приехать на открытие памятника.

— Кому?

— Николаю Уткину.

— ???!!!

— Да, да. Поехали за его женой в Тольятти и за сестрой в Малую Кандалу...

Невольно вспомнилось недавнее письмо бывших трактористов, товарищей Уткина по работе, которые писали в редакцию:

«...Мы считаем, что память о Николае Уткине следует увековечить: присвоить одной из первых улиц центральной усадьбы совхоза имя Уткина и назвать его именем наш Дом культуры; перезахоронить его прах в парке, рядом с памятником воинам, погибшим в Отечественную войну, и воздвигнуть на его могиле обелиск, чтобы он напоминал каждому из нас о том, что Уткин отдал свою жизнь за счастье народа...».

...И вот сотни людей собрались на могиле. Все взгляды устремлены на небольшой обелиск, затянутый покрывалом.

Волнуется сестра Николая. Волнуется его жена. Волнуются родственники Уткина. Волнуются все, кто пришел почтить его память.

Медленно спадает покрывало...

«Николаю Уткину... — слышится тихий шепот. — Вечная слава борцам, погибшим за торжество социализма», — читают люди слова на табличке.

Играет оркестр, и потянулись к подножью венки от парткома и дирекции, от исполкома сельсовета и рабочего комитета ВЛКСМ и отделений совхоза, от родных и друзей, от учащихся школы и пионерского отряда имени Уткина...

Венки, венки... Я не успеваю прочитывать надписи. Венки обложили обелиск со всех сторон, и он кажется мне большой цветочной пирамидой.

Здравствуй, Уткин!

А в душе трепещут возвышенные слова: «Пускай ты умер, но в песне смелых... всегда ты будешь живым примером...».

Мы идем по тропе, раскаленной зноем. Сворачиваем в узкую, тихую улочку, которая носит имя Уткина. Это первая улица поселка совхоза. По ней и ходил когда-то Николай Уткин...

Евгений Степанович Ларин
НА СЕЛЬСКОМ БОЛЬШАКЕ

Редактор Н. Н. Благов
Корректор Т. И. Егорова

Сдано в набор 20/VI 1968 г. Подписано к печати 19/VIII 1968 г. Формат бумаги 70×108/32.

Объем: 3,125 печ. л.; (усл.-печ. л.) 4,375;
уч.-изд. л. 4. ЗМ04690. Заказ 4411. Тираж 5000.

Цена 12 коп.

Ульяновское отделение Приволжского книжного издательства, г. Ульяновск, ул. Можайского, 24.

Типография облуправления по печати,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

**ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
· ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ НОВЫЕ КНИГИ**

- Н. Благов. **Имя твое.** 280 стр. Цена 92 коп.
- В. Голявкин. **Мой добрый папа.** 96 стр. Цена 23 коп.
- Ф. Русецкий. **Тим и Дим.** 40 стр. Цена 50 коп.
- Г. Коновалов. **Вчера.** 162 стр. Цена 46 коп.
- А. Жуков. **Весенняя поверка.** 102 стр. Цена 13 коп.
- В. Разумневич. **Чапаевцы шутить не любят.** 120 стр.
Цена 15 коп.

12 коп.

**УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПРИВОЛЖСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
1968**